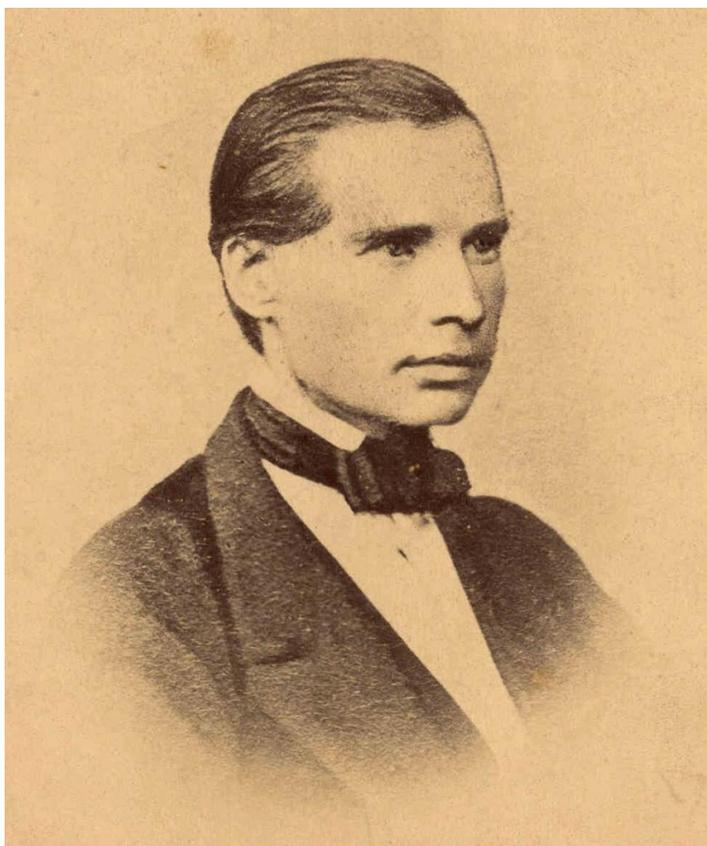

Самая последняя версия, декабрь 2017 г.

Шведско-немецкие корни. Киевские родственники

О деде Роберта – Эрнесте Класоне (Klassohn) известно лишь то, что он был, согласно документам Исторического архива Эстонии (ф. 402, оп. 2, д. 12242), «человеком вольного состояния». И все. Судя по написанию фамилии Эрнест позиционировал себя как онемечившийся швед. Эти сведения, как и нижеследующие по Эдуарду Класону, были найдены автором в 2004 году на сайте Всероссийского генеалогического дерева (www.vgd.ru) в разделе А.А. Шумкова «Класоны. Материалы к родословной». С тех пор на сайте сменилась администрация, и вся эта информация была удалена.

Об отце Роберта – Эдуарде Эрнестовиче (в некоторых российских документах он именовался Эдуардом Эрнстовичем) в том же ф. 402 Исторического архива Эстонии сохранилось несколько больше информации. Родился он в 1829-м в местечке Сусей Якобштадского уезда Курляндской губернии.* И при этом всю жизнь оставался иностранцем в Российской империи, что, тем не менее, не помешало ему сделать некоторую карьеру.

Эдуард Классон

(оригинал фото находится в семье Александровых)

---

* Якобштадт теперь носит латвийское название Екабпилс, а Курляндия вошла в состав Российской империи в 1795 г. в результате третьего раздела Речи Посполитой. Напомним также читателю, что в начале XVIII века Швеция имела немалые территории за пределами собственно Скандинавии, но, проиграв Северную войну, утратила их. По Ништадтскому миру (1721 г.) Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии и некоторых других территорий, а Россия обязалась вернуть Швеции Финляндию. См., например, текст Ништадтского мирного договора на ресурсе (lvmz.lv/index.php/110-latviyskiy-muzey/ekspozicii-muzeja/istorija-latvii-1710-1917/nistadtskij-dogovor/147-nistadtskij-dogovor).

В 1846-м Эдуард поступил в аптеку провизора Константина Рейнсона в местечке Ней-Суббат (Суббат, состоявший из Старого и Нового местечек, теперь относится к Даугавпилсскому району Латвии), по сдаче экзамена за гимназический курс при Рижской мужской гимназии в 1848-м получил соответствующее свидетельство. В 1848-1852 годах он работал в аптеке провизора Гелхаара в Лемзале.* В 1850-м сдал экзамены комиссии при медицинском факультете Императорского Дерптского университета и стал его студентом**, в связи с этим в 1852 году был исключен из приписных к имению Понемун Понежежского уезда Ковенской губернии (кроме отмеченного выше источника Исторического архива Эстонии – ф. 402, оп. 2, д. 12242 у А.А. Шумкова был указан еще один – все тот же ф. 402, но оп. 3, д. 783, и обо всем этом ему сообщил Т.К. Шор из Тарту)***.

Последний сюжет требует дополнительного исторического исследования: по каким обстоятельствам Эдуард, родившийся в Якобштадском уезде Курляндской губернии, в 1850-м (во время проведения 9-й народной переписи, или ревизии), т.е. в двадцать один год, был приписан к имению, находившемуся в Понежежском уезде Ковенской губернии? Понятно, что основной причиной тут были, по всей видимости, житейские перемещения его отца Эрнеста.

По «Формулярному списку о службе» заполненному в 1859 году и хранящемуся в Центральном государственном историческом архиве Украины (ф. 733, по сведениям А.А. Шумкова), Эдуард числил себя происходящим из мещан (по-видимому, в это сословие трансформировались в т.ч. и люди «вольного состояния»). С другой стороны, мещане проживали, прежде всего, в городах, а не в сельской местности. Но, вполне вероятно, что отец Эдуарда Эрнест мог заниматься каким-либо ремеслом и в богатом имении, а также работать в нем по найму, например, быть управляющим. К сожалению, отмеченные выше документы не указывают, какое ремесло было у Эрнеста или какие должности он занимал.

В 1852-м Эдуард получил в Императорском Дерптском университете свидетельство на звание аптекарского помощника. Из «Формулярного списка о службе», составленного уже в Киеве 29 октября 1859 года (по материалам, полученным автором непосредственно из ф. 707 Центрального государственного исторического архива Украины):

По удостоению Императорским Дерптским Университетом в 1852 году звания Аптекарского Помощника, Высочайшим Приказом по Гражданскому ведомству 18 Февраля 1853 года №35, определен на службу Помощником Аптекаря Клинической Аптеки Императорского Дерптского Университета тысяча восемьсот пятьдесят третьего года Февраля восемнадцатого.

И далее:

Императорским Дерптским Университетом удостоен звания Провизора 24 Сентября 1854 года.

Высочайшим Приказом по Гражданскому ведомству 16-го Февраля 1855 года №32 по прошению уволен от Службы.

Императорским Дерптским Университетом удостоен звания Магистра Фармации 16 Ноября 1855 года.

---

* Нынешний Лимбажи в Латвии. От Лемзалле до Дерпта было не менее 200-250 км «по грунтовкам»!

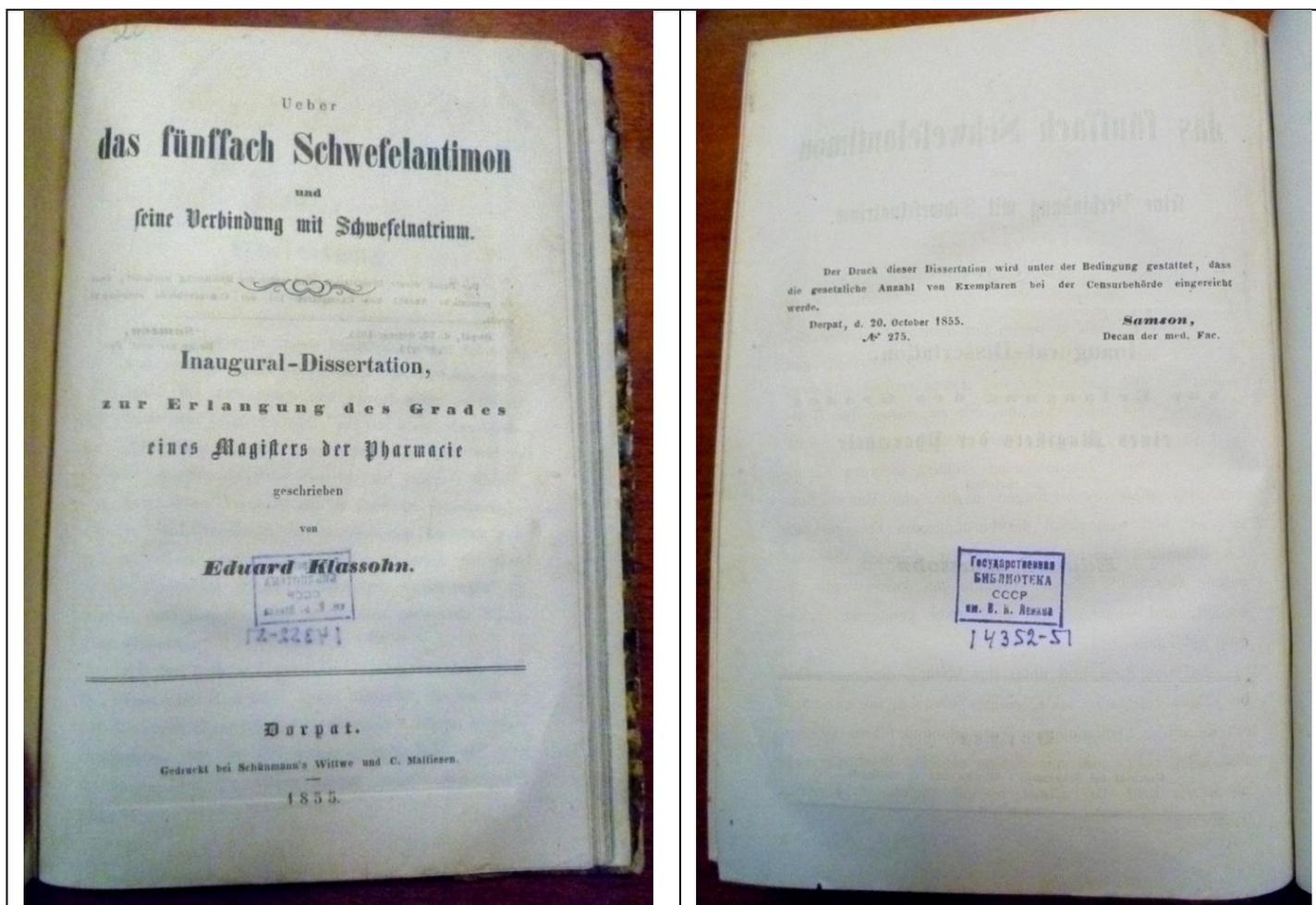
** Студент и/или выпускник Eduard Klassohn/Klasson не числится в фундаментальном справочнике «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorpat, 1889 (dlib.rsl.ru/viewer/01004461602#?page=1). Выходит, он сдавал экзамены экстерном?

*** Дерпт с 1893 г. носит имя эстонского города Тарту; после третьего раздела Речи Посполитой в составе Российской империи в 1795 г. была образована Ковенская губерния, Ковно с 1917 г. носит название литовского Каунаса, а Понежеж – Паневежиса.

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.	X.	XI.	XII.	XIII.	XIV.	XV.	
Чинъ, имя, отчество, фамилія, должность, года отъ роду, въросповѣданіе, знаки отличія и получаемое содержаніе.	Нѣтъ какое званіе прослужилъ?	Родовое.	Есть ли имяніе: У него самого и у родителей?	У жены, брата или де женаты.	Благородное ли происхожденіе?	Гдѣ получалъ воспитаніе и окончилъ ли въ заведеніи полный курсъ наукъ; когда въ службу вступилъ, какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ проходилъ службу; не было ли какихъ особенныхъ по службѣ дѣланій или отличій; не было ли особенно, кромя чиновъ, чѣмъ награждаемъ, и въ какое время; сверхъ того, если находилъ подъ судомъ или съдѣствіемъ, былъ оправданъ и признаванъ виновнымъ; то когда и за что именно былъ преданъ суду и чѣмъ дѣло кончено?	Годы	Мѣсяцы и числа.	Были ли въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ и когда именно?	Были ли въ штрафѣхъ, поодъ съдѣствіемъ и оштрафованъ ли по какому либо предлогу? когда и чѣмъ дѣло кончилось?	Въ какомъ званіи состоялъ въ службѣ? каковыя обязанности исполнялъ? по какому ведомству служилъ? каковыя отличія и награды получилъ? каковыя чины и ордена? каковыя знаки отличія? каковыя награды и ордена? каковыя знаки отличія? каковыя награды и ордена?	Были ли въ отпускахъ, по какому случаю? каковыя обязанности исполнялъ во время отпусковъ? каковыя отличія и награды получилъ? каковыя чины и ордена? каковыя знаки отличія? каковыя награды и ордена?	Были ли въ отпускахъ, по какому случаю? каковыя обязанности исполнялъ во время отпусковъ? каковыя отличія и награды получилъ? каковыя чины и ордена? каковыя знаки отличія? каковыя награды и ордена?	Были ли въ отпускахъ, по какому случаю? каковыя обязанности исполнялъ во время отпусковъ? каковыя отличія и награды получилъ? каковыя чины и ордена? каковыя знаки отличія? каковыя награды и ордена?	Каковыя отличія и награды получилъ? каковыя чины и ордена? каковыя знаки отличія? каковыя награды и ордена?
<p>Полковникъ Александръ Ивановичъ Каземіа</p> <p>177, 59 57, 15 228, 74</p> <p>Маврианъ</p>			Александръ			<p>Полковникъ Императорскій Германскій Чинъ верховный въ 1852 году въ Антисарскомъ Помощникъ Высочайшій Приказъ по Гражданскому Ведомству 18 февраля 1852 года №55. определенъ на службу Помощникъ Антисарскій Императорскаго Германскаго Университета тогда всамомъ мѣсяцѣ третьяго года февраля всамнадцатомъ Императорскимъ Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому Ведомству 16 февраля 1852. и протѣмъ уволенъ отъ службы . . . . . Императорскимъ Высочайшимъ Приказомъ по Гражданскому Ведомству 10 марта 1852 года . . . . .</p>		Февраль							
							1853	Февраль 18							
							1854	Сентябрь 24							
							1855	Февраль 16							
							1855	Ноябрь 10							

Первый разворот «Формулярного списка по службе» Эдуарда Классона

Титульная страница и ее оборот диссертации Э.Э. Классона

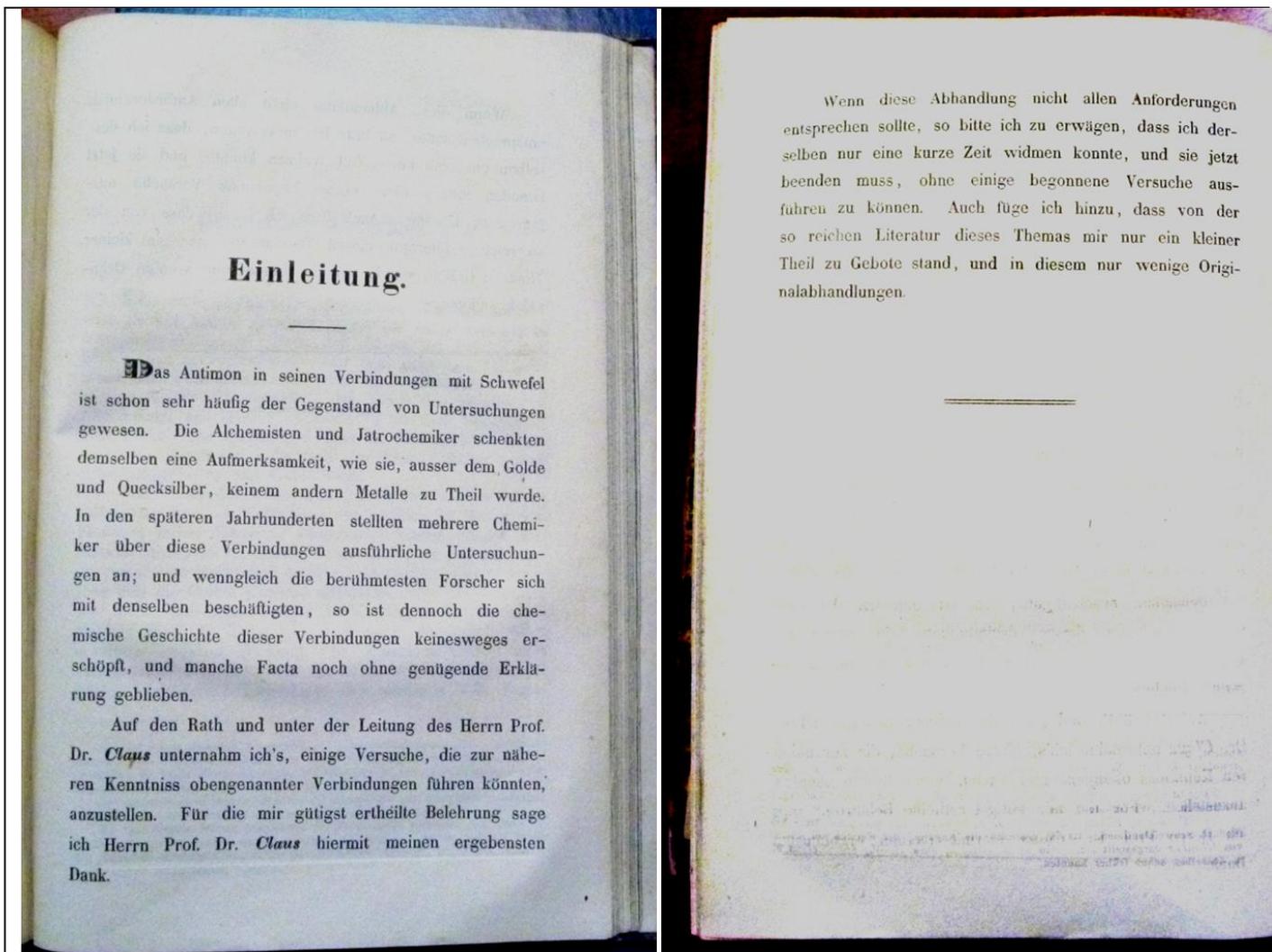
Экземпляр переплета около двух десятков диссертаций (по-видимому, все они были защищены у господина Самсона) до революции находился в библиотеке Общества Русских Врачей в Москве. Это общество поддерживало связи с Киевским обществом врачей, куда скоро вступит Эдуард Эрнестович (см. Приложение «Э.Э. Классон и Киевское общество врачей»). Ну а после революции переплет оказался в библиотеке им. В.И. Ульянова-Ленина, и большевики не преминули поставить на его страницы свой штампель (см. фото).

Попробуем хотя бы приблизительно перевести Предисловие, или введение, чтобы составить представление о круге научных интересов соискателя на степень магистра фармацевтики Эдуарда Классона.

Итак, сурьма в соединениях с серой была уже достаточно часто предметом исследований. Алхимики и ятрохимики (Jatrochemiker) уделяли такое же внимание соединениям золота и ртути, но более никаких соединений других металлов с веществами не изучали.* В последующие века некоторые химики провели детальные исследования, и даже самые известные ученые занимались этим, однако некоторые факты так и остались без удовлетворительного объяснения.

В общем, примерно понятно, о чем речь. Ну а дальше идут совсем уже ученые вещи...

* Ятрохимия (устар.), рациональное направление алхимии XVI-XVII веков, стремившееся поставить химию на службу медицине и ставившее своей главной целью приготовление лекарств. Наиболее известным ученым в данной области в XVI веке был Парацельс.

Предисловие, или введение диссертации Э.Э. Классона

В конце 1855-го Эдуард Классон, уже имея ученую степень магистра фармации, переехал из Дерпта в Киев и в декабре этого же года определился по найму в лаборанты Киевской казенной аптеки. Из «Формулярного списка о службе»:

Высочайшим Приказом по Гражданскому ведомству 18 Января 1856 года №13 определен Лаборантом в Киевскую Казенную Аптеку с 21 Декабря 1855 года.

А в следующем году ему было дозволено посещать лекции на медицинском факультете Императорского университета св. Владимира в качестве вольного слушателя. Это следует из обмена письмами ректора Императорского университета св. Владимира Р.Э. Траутфеттера и исправлявшего должность Попечителя Киевского учебного округа Н.Р. Ребиндера соответственно от 10 и 24 августа 1856 г.:

Лаборант Киевской казенной Аптеки, Магистр Фармации, Эдуард Классон вошел ко мне с прошением о дозволении ему слушать лекции Медицинского факультета, при чем представил свидетельство своего Начальства о неимении с его стороны препятствий к посещению Классоном Медицинских лекций. О настоящей просьбе Классона имею честь представить на разрешение Вашего Превосходительства.

477

№ 191

12 августа 1856

ИМПЕРАТОРСКОЕ

Народнаго Просвѣщенія

Декторы

ИМПЕРАТОРСКАГО

Университета св. Владимира

Кіевъ.

10 Августа 1856

№ 939

Его Превосходительству
Всеподобию Менувалителю
исполн. обязанности
директора Кіевского Губерна-
го Округа.

Лаборантъ Кіевской
казенной Аптеки, Ма-
гистръ Фармаціи, Док-
торъ ~~Классики~~, ~~воинск.~~
коллеж. съ прошеніемъ
о дозволеніи ему, слу-
шать лекціи Меди-
цинскаго Факультета,
притѣмъ пред-
ставилъ свидѣтель-
ство своего Началь-
ства о неимѣніи
съ его стороны пре-
пятствій къ посѣ-

1 об.

щенія Классикомъ Меди-
цинскихъ лекцій.

Онастѣющей просьба
Классика имѣю честь
представити на разрѣ-
шеніе Вашего Превосхо-
дительства

Ректоръ Р. Э. Траутфеттеръ

Письмо ректора Университета св. Владимира Р.Э. Траутфеттера об Э. Классоне от 10 августа 1856 г.

УПРАВЛЕНИЕ
КИЕВСКАГО ВОЕННАГО,
ПОДОЛЬСКАГО И ВОЛЫНСКАГО
Генералъ-Губернатора.

ПО

КИЕВСКОМУ УЧЕБНОМУ ОКРУГУ.

КАНЦЕЛЯРІЯ.

Столъ 1

Г. КИЕВЪ.

24 Августа 1856 года.

№ 4059

Подписалъ Рединдер
Скрѣпилъ Назовъ

перо

Въ свѣдѣніи
св. Владиміра

Получено
мнѣ Т. Рединдер
Учт. св. Владиміра
10. сего Августа
снѣ 2327 разр
шана ластин
Учт. св. Владиміра.
господинамъ на
бумагу Владиміра
Куркина Дмитрия

200.

Маминеру Франца
Учт. Эдуарда Киса
сому ешманъ
Минци Медичи
ска Францеска
всего 1000

Письмо из Управления Киевского военного, Подольского и Волынского Генерал-Губернатора по Киевскому учебному округу от 24 августа 1856 г.

В ответном письме разрешение было получено. Подписал его попечитель Н.Р. Ребиндер, а скрепил подпись небезызвестный прежний правитель канцелярии А.А. Лазов.*

Из «Формулярного списка о службе»:

Высочайшим Приказом по Гражданскому ведомству 23 Октября 1858 года №245 за выслугу лет произведен в Титулярные Советники со старшинством с двадцать первого Декабря тысяча восемьсот пятьдесят пятого года.

Из этого же «Формулярного списка о службе» следует, что Э.Э. Классон в память о Крымской войне 1853-1856 годов 24 мая 1857 г. получил **бронзовую** медаль на Андреевской ленте (почему-то в «Материалах к родословной Классонов» А.А. Шумкова она была обозначена как **серебряная**, причем со ссылкой на то же наградное свидетельство №5872).

За какие заслуги, пока установить не удалось. По крайней мере, в том же документе в графе «Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно?» отмечено – «Не был». Возможно, награждения «по случаю героической обороны/сдачи Севастополя неприятелю» шли широким веером: по принципу, низшее начальство представит как можно больше, а Высочайшее – отсеет, но далеко не всех.

В 1858-м Эдуард Классон, как мы уже упоминали, был произведен в чин титулярного советника, а через несколько лет получил уже чин коллежского асессора (8-й класс табели о рангах). То есть считался вполне «благонадежным чиновником». Сей термин – «чиновник» – мы встретили только один раз, в дипломе его сына Роберта об окончании С.-Петербургского Технологического института, где последний характеризуется как «сын чиновника». Из «Формулярного списка о службе» становится также известным, что Э.Э. Классон получал в то время 228 руб. серебром с копейками (включая квартирные) в год.

В 1860-м «лекарь Классон» был определен по найму в должность ассистента при терапевтическом отделении Киевского военного госпиталя, сроком на один год с годовым окладом 250 рублей серебром. В ф. 707 Центрального государственного исторического архива Украины имеется по этому поводу любопытная переписка.

---

* Из воспоминаний учителя Киевской Первой гимназии Н.Д. Богатинова (см. Приложение «Киевская Первая гимназия»):

К моему великому счастью и по невидимому Божьему строению, к этому самому времени подоспела перемена в управлении Киевским учебным округом. До этого времени попечителем округа был генерал-губернатор князь Васильчиков, при нем помощником – Юзефович; но собственно действительным управителем был правитель канцелярии попечителя, Л[азо]в, от которого, как тогда шла общая молва, и зависело определение на учительские места, и требовалось истратить расхода [(взятки!)] до 200 руб., чтобы получить место. Где же мне, бедняку, можно было думать о месте, которое приходилось купить? Но вот в это самое время попечительство отделяется от генерал-губернаторства, и попечителем, мы узнаем, назначен градоначальник гор. Кяхты Николай Романович Ребиндер, который в конце Июня [1856 года] и прибыл в Киев. Он привез с собою и нового правителя канцелярии Губера, определение же учителей взял в свои собственные руки. И я решился просить у него места. <...>

Поскольку просьба Э.Э. Классона была публичной, да еще и начальство в Киевском учебном округе переменялось, то, по-видимому, «большой взяточник» А.А. Лазов в этом деле ничего не смог урвать...

3 марта 1860 г. в адрес Его Превосходительства, Госп. Попечителя Киевского Учебного округа было отправлено следующее письмо:

По уважению к значительному числу кроватей в Клинических Отделениях Киевского Военного Госпиталя и вследствие представления Медицинского Факультета, Совет Университета нужным считает покорнейше просить Ваше Превосходительство определить Лекаря с отличием Эдуарда Классона, по найму, в должность Ассистента при Терапевтическом Отделении Киевского Госпиталя сроком на один год, с выдачею Классону, в виде платы, за исполнение этой должности 250 руб. серебром в год из суммы за учение [студентов], а также о разрешении оставить для исправления должности Ассистента Хирургической Госпитальной Клиники до Сентября текущего года Лекаря Миллиота, который нанят для исполнения этой должности на основании предложения Вашего Превосходительства от 28 Апреля 1859 года за №1938 с платой по 20 руб. 83¼ коп. серебром в месяц из остатков от суммы, положенной на преподавание искусств.

При этом Совет, представляя формулярный список о службе Классона при Киевской Казенной Аптеке и диплом его на степень Лекаря с отличием, имеет честь присовокупить, что Высочайшими приказами по Военному ведомству о чинах гражданских: а) от 6 Декабря 1859 г. за №53 батальонный Лекарь Муромского Пехотного полка Малецкий прикомандирован к Киевскому Госпиталю на три года в должность Ассистента Терапевтического Отделения и б) от 25 Октября того же года за №46 сверхкомплектный Лекарь Кавказской Армии Лясоцкий прикомандирован к Киевскому Госпиталю на год для исправления должности Ассистента Хирургического Отделения сего Госпиталя.

За Ректора Декан И. Нейкирх

Из письма за подписью тогдашнего попечителя Киевского учебного округа Н.И. Пирогова (скрепленного подписью правителя канцелярии Губера) от 22 марта 1860 года, которое мы не рискуем полностью цитировать из-за малоразборчивого почерка, попечителя?), следует, что Николай Иванович выражал недоумение Совету Университета св. Владимира, по поводу необходимости нанимать уже третьего человека в ассистенты при госпитале:

Вследствие представления Совета У-та св. Влад. от 3 сего Марта за №647 об определении лекаря Классона, по найму, в должность Ассистента при Терапевтическом отделении Киевского военного госпиталя с платою 250 руб. сереб. в год из суммы за учение в У-те, уведомляю Совет У-та, что в Терапевтическую Госпитальную клинику определен уже Ассистентом Лекарь Малецкий, на три года, а сверх того представлен к определению в Ассистенты в ту же клинику Лекарь Кистяковский, так что их будет уже два, <...>. <...>

В ответном письме из Совета Университета св. Владимира от 2 июня того же года вся эта коллизия была разъяснена вполне отчетливо:

Его Высокородию, Госп. Управляющему Киевским Учебным Округом.

От 22 Марта сего года за №1381 Ваше Высокородие, сообщив Совету о затруднениях встреченных Вами к определению по найму Ассистентом при Терапевтической Госпитальной Клинике Лекаря Классона, изволили предложить Совету донести Вашему Высокородию: почему в настоящее время нужен еще один Ассистент, сверх положенных по 3 § Правил для Клинических Отделений Киевского Военного Госпиталя.

На запрос по сему предмету Медицинский факультет донес Совету Университета, что Лекарь Классон, имеющий кроме того степень Магистра Фармации, владеет отличными химическими познаниями, и поэтому Медицинский Факультет нашел необходимым и чрезвычайно полезным для Студентов определить его Ассистентом при Терапевтической Клинике для производства химических исследований болезненных секретов и продуктов.

Донося о вышеизложенном Вашему Высокородию, Совет Университета, полагая с своей стороны, что для полноты клинических лекций необходимы химические исследования, которые всего удобнее могут быть возложены на Лекаря и Магистра Фармации Классона, имеет честь вновь покорнейше просить Ваше Высокородие об определении Госп. Классона по найму Ассистентом при Терапевтическом Отделении Киевского Военного Госпиталя на один год с уплатой ему за год 250 р. с. из суммы за учение, а равно выдать ему из той же суммы вознаграждения за труды его по Клинике с 1 Марта текущего года, в количестве 20 р. 83¼ к. с. за каждый месяц.

За Ректора Декан И. Нейкирх*

Выходит, Университет, несмотря на «прежние затруднения» Н.И. Пирогова по поводу превышения штатного расписания, еще в марте тихой сапой устроил Э.Э. Классона на должность ассистента для проведения так нужных студентам «химических исследований болезненных секретов и продуктов» и теперь просил попечителя согласиться на выплату ему жалованья задним числом!

В этой переписке всплывало упоминание о дипломе Э.Э. Классона на степень лекаря за № 3785, который необходимо было прикладывать к прошению Совета Университета св. Владимира в Киевский Учебный Округ и который был затем возвращен первому.

---

* Доктор философии, заслуженный ординарный профессор греческой словесности и древностей Иван Яковлевич Нейкирх (1803-1870) занимал постоянно также административные должности проректора и декана историко-филологического факультета. Что касается установления деталей финансовых отношений между Университетом и Военным госпиталем, то они выходят за рамки сих биографических очерков.

1859
3
МИНИСТЕРСТВО
Народнаго Просвѣщенія

Советъ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Университета Св. Владимира
Кіевъ.

2 Іюня 1860 года
(1860)

133
1860

Его Высочество
Г. Управляющему Кіевскимъ
Учебнымъ Округомъ.

Отъ 22 Марта сего года
г. 1859 Ваши Высочество сообще-
ние Совету о затрудненіяхъ
встрѣвшихся Вамъ въ опре-
дѣленіи по плану Ассистента
при Тернопольской Военной
Клиникѣ Доктора Киссана,
указали приложить къ нему
копии Вашего Высочества
почему въ настоящее время
уже судитъ Ассистентъ,
сверхъ послѣднихъ по 3 89
внѣшня Клиническихъ Ассис-
тентъ Кіевской Военной Ассистен-
туры.

Назрѣваетъ по сему предмету
Медицинскій Фрибулетъ до-
носъ Совету Университета,
что Докторъ Киссанъ, имѣю-
щій чинъ той степени Ма-
истра Французскаго, вѣдѣетъ
отличными химическими поз-
наниями, и по сему Меди-
цинскій Фрибулетъ на-
мѣнъ несогласна и чрез-
вычайно полезна для
денежнаго управленія его

Бредановъ

Ассистентомъ при Тернопольской Кли-
никѣ для производства химическихъ изыс-
дованій, близкимъ къ предмету и предле-
жати. Къ сему Фрибулету приложено,
что Г. Вальдурецъ Клиническій Профес-
соръ Фрибулетъ и Тернополь, имѣя
непосредственно важныя изысканія кли-
ническія при приготовленіи опіумнаго
химическія изысканія и при томъ
нѣмало въ виду никакаго другаго спосо-
ба для изысканій, вполнѣ
довѣренія представившихъ имъ инста-
нтамъ въ высочайшемъ чинѣ и пра-
витель Доктора Киссана къ исполне-
нію обязанностей Ассистента съ 1 Мар-
та сего года.

Даноса о вышеизложенномъ Вашему
Высочеству, Совету Университета,
по сему отъ своей стороны, что для по-
полненія Клиническихъ лекцій необходимъ
химическій изыскатель, котораго въ
любомъ мѣстѣ быть возможности
ни Доктора и Маистра Французскаго
Киссана, имѣющаго чинъ вновь по сему
проситъ Ваши Высочества въ
управленіи Г. Киссана по плану Ассис-
тента при Тернопольской
Военной Кіевской Ассистен-
туры г. 1860

250 руб. изъ суммъ за ученіе, а равно выда-
но ему изъ той же суммъ вознагражде-
ніе за труды въ по Клиникѣ съ 1 Марта
текущаго года, въ количествѣ 20 р. 83 ко.
за каждаго мѣсяца.

За Доктора Доктора М. И. Пирогова

Ответное письмо Н.И. Пирогову из Совета Университета от 2 июня 1860 г.

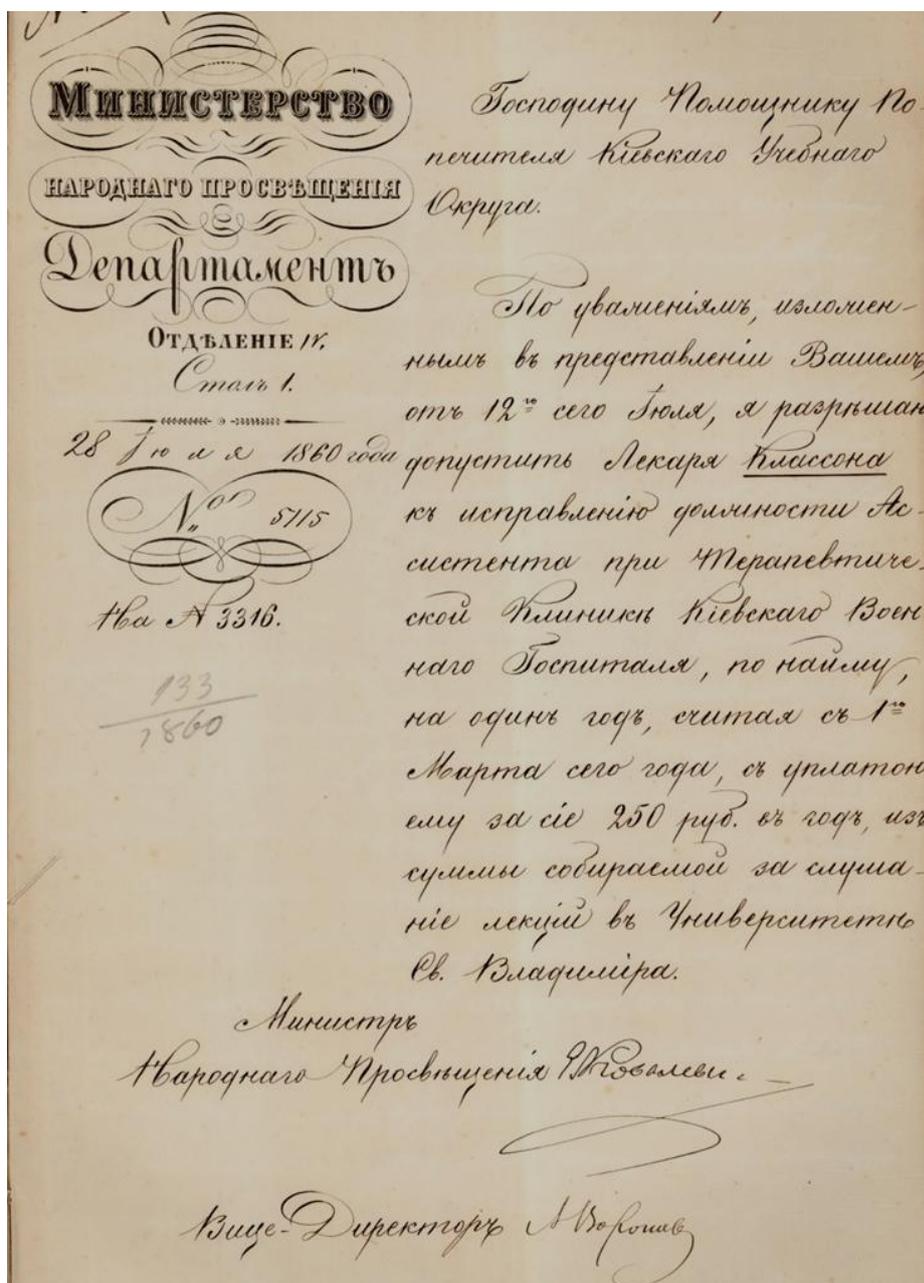
По-видимому, начальство Киевского учебного округа согласилось с этим «незначительным нарушением» и одновременно ходатайствовало перед Госп. Министром Народного Просвещения (письмо от 12 июля 1860 г. за подписью помощника попечителя И.Г. Михневича). И положительный ответ из Министерства народного просвещения не замедлил последовать (письмо от 28 июля 1860 г.):

Господину Помощнику Попечителя Киевского Учебного Округа.

По уважениям, изложенным в представлении Вашем, от 12-го сего Июля, я разрешаю допустить Лекаря Классона к исправлению должности Ассистента при Терапевтической Клинике Киевского Военного Госпиталя, по найму, на один год, считая с 1-го Марта сего года, с уплатою ему за сие 250 руб. в год, из суммы собираемой за слушание лекций в Университете св. Владимира.

Министр Народного Просвещения
Вице-Директор

Е. Ковалевский
<А. Воронов?>

Письмо Министра народного просвещения Е.П. Ковалевского от 28 июля 1860 г.

В том же году из Университета был направлен весьма благоприятный отзыв об Э.Э. Класоне в адрес попечителя Киевского учебного округа (письмо от 22 декабря 1860 г.):

Его Высокородию, Господину Управляющему Киевским Учебным Округом.

Медицинский Факультет вошел в Совет с представлением, в котором изложил донесение Заведующего Терапевтической Госпитальной Клиникою Профессора Меринга о том, что лекарь Класон, состоящий по найму в должности ассистента этой Клиники, удовлетворительно исполнял возложенную на него обязанность химического и микроскопического исследования микроскопических продуктов в Терапевтической Госпитальной Клинике, чрез что студенты имели случай удостовериться в важном для врача значении современного применения Патологической Химии и Микрографии и вместе с тем могли участвовать в сказанных исследованиях и приобрести нужный для этого практический навык.

Причем Госп. Меринг присовокупив, что получаемое Класоном содержание (250 руб. в год) крайне незначительно в сравнении с трудами Госп. Класона и что в настоящее время при Терапевтическом Отделении Военного Госпиталя нет штатного ассистента, который бы мог означенными исследованиями заниматься и определить такого ассистента в скором времени нет возможности, потому что из казеннокоштных студентов (единственно имеющих право на эту должность) нет ни одного, который бы имел нужные для того знания, на что в течение одного года желающий мог бы их приобрести.

Поэтому Медицинский Факультет, вполне соглашаясь с мнением Госп. Ординарного Профессора Меринга иметь опытного Помощника для химических и микроскопических исследований, просит Совет Университета ходатайствовать об оставлении Лекаря Класона еще на один год по найму Ассистентом при Госпитальной Терапевтической клинике, с увеличением его содержания наравне с содержанием получаемым Помощниками Директоров Факультетских Клиник. [(350 руб. сер.)]

Донося о вышеизложенном Вашему Высокородию, Совет имеет честь покорнейше просить об оставлении лекаря Класона еще на один год по найму в должности Ассистента при Терапевтической Госпитальной Клинике с назначением ему содержания 350 руб. сер. в год из суммы за учение, которой ныне налицо 15059 руб. 95¼ к.

<...>

Ректор Н. Бунге*

---

* Доктор политических наук, заслуженный ординарный профессор по кафедре полицейского права Николай Христианович Бунге (1823-1895) в 1859-62 гг. «состоял в должности ректора по назначению».

140
что пограничные классонские соображения (250 руб. в год)
крайне неблагоприятно в отношении от урдуана Д. Клас-
сона и так же в настоящее время при Мраморной больнице
Спиритуса Восточная воспитанная часть Уманского Ассес-
сента, который бы мог старинным употреблением
или закончить и организовать такое ассистента
в скором времени при Уманском, потому что
из Казимирского вурдана (существенно имен-
ный право на эту должность). и так же одного, кото-
рый бы мог бы урдуану без того манис, но что
в течение одного года, выходящий мог бы и не при-
рост; но другим медицинский Французский восток со-
лащавая с медицинским Д. Ардуарного Профессора в
руки и так же восточная Уманского Дале Казимир-
ского и микроскопический микровидный, просит
Совета Университета податействования в составле-
ния Доктора Классона еще на один год на самую
необходимую при Уманской Мраморной
клинике с увеличением по содержанию наравне
с содержанием пограничного Уманского Ди-
ректора Факкультета Клиники.

Делая в вышесказанном Вашему Высше-
родию, Совету много есть некорректные просьбы
составления Доктора Классона еще на один год на
самую необходимую Уманского при Мраморной
клинике с увеличением по содержанию наравне
с содержанием пограничного Уманского Ди-
ректора Факкультета Клиники.

Копию Совету деловых счетов присовокупить,
1, что Д. Классон предложивший в Уманском 28-
гого 1860 года 18316, депутатом по исправлению дол-
жности Ассистента Уманской Мраморной Кли-
ники, на один год, считая с 1 марта
1860 года с платою по 350 руб. ср. в год и в сумме
за год.

Д. Уманского Директора Факкультета Клиники
полагать 350 руб. ср. на год.

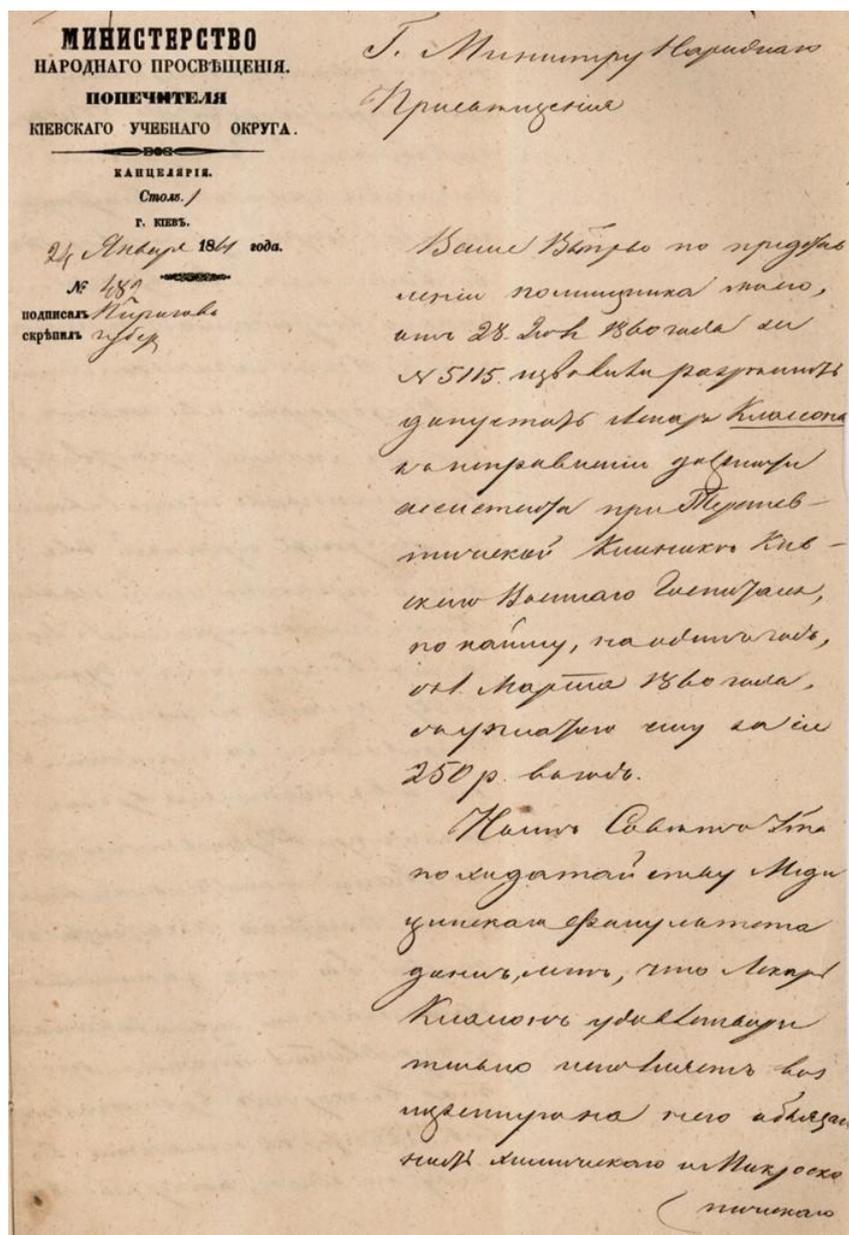
Д. Уманского состоит в должности Ассистента при У-
манской Мраморной Клинике батальонный
Доктор Мануцкий, прикомандированный на 1 году ср.
в Октябре 1859 года и батальонный Доктор Костя-
ковский, прикомандированный к ней в должности на три
года с 27 марта 1860 года.

Доктор И. Булгаков

Отзыв Совета Университета от 22 декабря 1860 г. о деятельности лекаря Классона
(окончание)

24 января 1861 года последовало письмо Н.И. Пирогова в Министерство народного просвещения с изложением вышеприведенных аргументов и с «покорнейшей просьбой разрешить оставить Лекаря Классона, по найму, еще на один год ассистентом Терапевтической Госпитальной Клиники военного Госпиталя с уплатою ему за год 350 руб. сереб. из суммы собираемой за слушание лекций»:

<...> Ныне Совет У-та по ходатайству Медицинского факультета <нрзб. – докладывает?> мне, что Лекарь Классон удовлетворительно исполняет возложенную на него обязанность химического и микроскопического изследования микроскопических продуктов в Терапевтической Госпитальной клинике <...>. <...>

Письмо Н.И. Пирогова Министру народного просвещения от 24 января 1861 г. (начало)

милости просили для того времени,
а по поводу Сибирских сочинений
содержащих сведения о географии
русских в восточной Азии и о
Кавказе еще на адмирала, но
нашему, ассистенту г-ну Тихо-
мирову. Муниципальной кни-
жной палатой выдано ему в
назначении 350 р. из казенной
суммы за время каталожной работы
на сумму 1500 р. 95% как ассистент.
К этому в восточной Азии
нужно, что в настоящее время
предметы? Муниципальной
книжной палатой в
указании ассистента Бата-
лиева и г-на Тихомирова и
Кавказской приказанной
на сумму 1500 р. 95% в
второй в 1859 г.
но по сумме указаний
на сумму 1500 р.

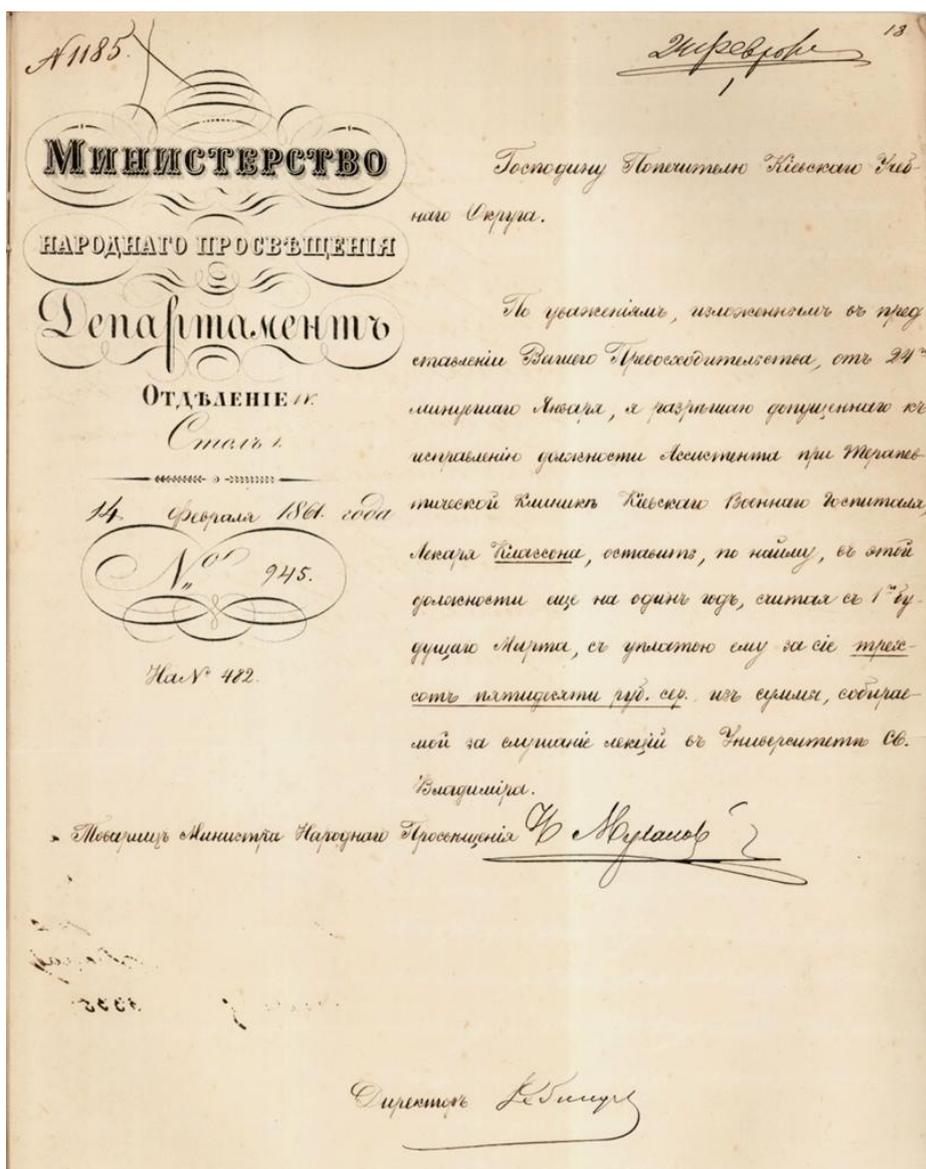
Принимая во внимание
указание в восточной Азии
г-на св. Тихомирова и г-на
нужно для этого назначено
на сумму

Вашему г-ну Тихомирову
на сумму 1500 р. 95% на
ваше распоряжение в восточной
Азии Кавказе, по нашему,
еще на адмирала ассистента
Муниципальной книжной
палаты в восточной Азии
на сумму 1500 р. 95% из
суммы субсидии за
сумму 1500 р.

Письмо Н.И. Пирогова Министру народного просвещения от 24 января 1861 г.
(окончание)

С аргументами Попечителя Киевского Учебного Округа Н.И. Пирогова 14 февраля 1861 года согласился товарищ Министра народного просвещения Муханов (вроде бы такая фамилия вырисовывается из завитушечной росписи). И, действительно, Евграф Петрович Ковалевский был назначен министром 23 марта 1858 года, а его заместителем – Н.А. Муханов, с 17 апреля того же года.

И 28 февраля 1861 года обстоятельный и пунктуальный Н.И. Пирогов известил Совет Университета Св. Владимира о согласии Министерства Народного Просвещения «разрешить допущенного к исправлению должности Ассистента при Терапевтической Клинике Киевского Военного Госпиталя Лекаря Классона оставить по найму в этой должности еще на один год, считая с 1 будущего Марта, с уплатою ему за сие 350 руб. из суммы, собираемой за слушание лекций в У-те Св. Владимира».

Письмо товарища Министра народного просвещения Н.А. Муханова Н.И. Пирогову от 14 февраля 1861 г.

**МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ПОПЕЧИТЕЛЯ
КИЕВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА**

КАПЦЕЛЯРІЯ

Стол. 1

Г. КИЕВЪ.

28 февраля 1861 г.

№ 1200.

подпись *Пирогова*

скрепка *увер*

19.
Въ Совету Св. Владимира

*Г. Ставиринъ
Министру Народнаго
просвѣщенія и нынѣ
въ февралѣ 1861
разрешить дѣлу
успешно къ началу
лѣтняго государственнаго
экзамена при Ме-
рикевскомъ училищѣ
князя Валеры Владиміра
Волынскаго, сына
Князя, о которомъ,
по какому, въ томъ
государствѣ еще на*

*существовать, и что
въ будущемъ году
выпущено ему за
себя получить на
дѣлѣ при издѣлкахъ,
выпущено за сына
на лѣтній экзаменъ
въ Мѣрикевскѣ.*

*Совѣту Св. Владимира
Содѣлать въ Св. Влад.
наименованіи въ
разрешеніи при
лѣтнемъ 22 Декабря
1861 года № 3335.*

Письмо Н.И. Пирогова от 28 февраля 1861 г. в Совет Университета Св. Владимира

«Благополучный чиновник» (как мы его определили) Э.Э. Классон не чуждался в то же время отстаивания интересов общества. Об этом становится известно из публицистической статьи писателя Николая Лескова «Вопрос о народном здоровье и интересы врачебного сословия в России», помещенной в томе (номере) VII журнала «Время» за 1862 год. В ней он анализирует, в частности, публикации в киевском еженедельнике «Современная Медицина»:

Собственно о положении врачей и об их отношениях к начальствующим лицам у нас начали говорить очень недавно (около двух лет назад) и то в малораспространенном специальном издании, с которым едва ли кто-нибудь и знаком из людей, не принадлежащих к медицинскому сословию. Но несмотря на это, вопрос об интересах врачебного сословия обработан гораздо многостороннее и тщательнее, чем вопрос об интересах людей, требующих врачебной помощи. Этой обработкой русская литература обязана профессору [киевского] университета св. Владимира А.П. Вальтеру, издающему еженедельную медицинскую газету «Современная Медицина».

В два года, которые продолжается это издание, оно, как мы уже сказали, успело выяснить этот вопрос настолько, что теперь можно более или менее безошибочно определить положение нашего врачебного сословия и искать меры к улучшению этого положения, одновременно с изысканием средств беспомощности наших поселян в врачебном отношении.

Из ряда статей, напечатанных в течение двух лет в газете профессора Вальтера врачами и не врачами, явствует:

1) что городские и уездные врачи, обязанные ex officio (официально) облегчать недуги городского и сельского населения, никак не могут этого сделать, потому что им нет времени лечить народ, потому что они заняты самыми разнообразными служебными обязанностями и что вследствие непрерывных хлопот по службе они отстают от науки и чем долее служат, тем менее становятся достойными звания врачей;

2) что вознаграждение, получаемое этими медиками от казны (190 рублей серебром в год), не дает им никакой возможности жить честным образом, а вследствие того, как сказано в «Современной Медицине», их по преимуществу «питают взятки» с тех статей, где медик является не врачом, а чиновником, наблюдающим за ненарушением законов о народном здравии. Понятно, что при таких условиях городской и уездный врач в большинстве случаев перестает быть в мнении общества врачом и считается только чиновником. Его официальное положение и необходимость пользоваться этим положением ради приобретений удаляют от него народ и ставят его в неблагоприятном свете перед людьми с развитыми понятиями о чести и «обязанностях»;

3) народ не любит врачей за преследование тех самоучек, которые лечат его болезни домашними средствами и теплым словом участия; и

4) в народе живет страшное отвращение к больницам и госпиталям, которое можно объяснить тем, что, по словам «Современной Медицины» (1861 г., №42), «смертность в наших госпиталях особенно велика, наука по большей части далека от них, а честность и добросовестность еще дальше».

Мы далее не будем разбирать весьма актуальную, даже для современного российского общества, статью Н.С. Лескова о тяжелой ситуации с медицинской помощью населению, а остановимся лишь на следующем сюжете, из которого следует, что и Эдуард Классон пытался внести посильную лепту в его обсуждение:

О новой аптекарской таксе и фармакопее.

Въ августѣ мѣсяцѣ сего года въ частныхъ аптекахъ получена новая печатная такса, составленная по распоряженію мед. совѣта. Кто ее сочинилъ, не извѣстно, но она служитъ новымъ доказательствомъ тому, что важные вопросы рѣшаются иногда людьми мало знакомыми съ предметомъ. Разсмотрѣвъ таксу съ начала до конца, я не нашелъ ни одного §, изъ котораго можно бы видѣть удовлетворительное рѣшеніе этой задачи. При назначеніи новыхъ цѣнъ они руководствовались совершеннымъ произволомъ: дешевыя средства получили высокія цѣны, другія, стоимость которыхъ выше, должны быть продаваемы дешевле, при третьихъ назначены двѣ или три различныя цѣны, такъ что нельзя знать, которая изъ нихъ поставлена по ошибкѣ и которую должно руководствоваться при назначеніи цѣнъ лекарствамъ.

Въ доказательство сказаннаго достаточно будетъ привести слѣдующіе примѣры: Acid. citricum въ торговлѣ дороже стѣитъ чѣмъ Acid. tartaricum, между тѣмъ по новой таксѣ Magnesia citrica стѣитъ унція 42 коп., Magnesia tartarica унція 72 к.; Chinini citrici стѣитъ драхма 3 руб. 20 к., гранъ 80 к.; Aconitini драхма 10 руб., гранъ 2 к.; Fells tauri recentis унція—2 коп. Cinchoninum sulfuricum былъ введенъ въ медицинское употребленіе потому, что онъ въ торговлѣ дешевле чѣмъ Chininum sulfuricum; въ таксѣ Chinini sulfurici унція стѣитъ 4 руб., Cinchonini sulfurici 4 руб. 50 коп., драхма же Chinini sulfurici 80 коп., а драхма Cinchonini sulfurici 75 коп.; гранъ одного и другаго препарата стѣитъ 2 коп. Подобныя, несообразныя стоимости, цѣны встрѣчаются въ новой таксѣ очень много, но бесполезно было бы ихъ здѣсь исчислять.

Вмѣстѣ съ такою издана и часть русской фармакопеи, но она во всѣхъ отношеніяхъ недостаточна, и слабое состояніе своего труда должно быть сознавали и сами авторы, потому что они ее издали только въ видѣ прибавленія къ таксѣ, подъ заглавіемъ «наставленіе для приготовленія лекарствъ вновь въ таксу введенныхъ, съ описаніемъ, гдѣ сіе нужно, ихъ физическихъ качествъ и дѣйствія на оныя химическихъ реагентовъ»; притомъ сказано, что остальная лечебная средства внесены въ общую Россійскую фармакопею. Такимъ образомъ настоящая Россійская фармакопея состоитъ изъ этихъ двухъ частей: одной изданной много лѣтъ тому назадъ, другой изданной теперь; что первая не соответствуетъ современному состоянію науки, это само собою разумѣется, что вторая часть еще менѣе удовлетворительна, этого нельзя было предполагать и потому на ея недостатки слѣдуетъ указать:

Начало статьи Э. Классона в «Современной медицине» №42 за 1861 г.

Из статей, написанных самими врачами в «Современной Медицине», видно, что прежде всего нужно, чтобы врач был врачом, не делаясь чиновником, нужно, чтобы врача любил народ. <...> Наконец, нужно подвергнуть немедленному пересмотру аптечный устав, представляющий ряд непрерывных стеснений: увеличивать число аптек нельзя; лекарства непомерно дороги. Аптекарская такса – самая несообразная из всех такс, с которыми не могут еще у нас расстаться. Компетентные люди давно указывали на бесчисленные ее недостатки, и наконец в августе месяце прошедшего года медицинским советом издана новая такса, которая, по напечатанному отзыву магистра фармации Э. Классона, «служит новым доказательством, что у нас важные вопросы решаются людьми, мало знакомыми с предметом» [(1861 г., №42)].

Г. Классон говорит:

«Рассмотрев таксу с начала до конца, я не нашел ни одного параграфа, из которого можно бы видеть удовлетворительное решение задачи. При назначении новых цен составители руководствовались совершенным произволом: дешевые средства получили высокие цены, другие, стоимость которых выше, должны быть продаваемы дешевле, при третьих назначены две или три различные цены, так что нельзя знать, которую должно руководствоваться при назначении цен на лекарства».

В статье магистра фармации Классона приведено несколько доказательств совершенной негодности новой аптекарской таксы. А между тем какой поднимается гвалт, когда кто-то начнет хлопотать о новой аптеке.

Нам нечего указывать, какими путями может правительство оказать свое содействие тому, чтобы народ не смотрел на врачей как на чиновников, чтобы аптек было столько, сколько их нужно и сколько их может существовать; тогда не нужна будет и аптечная такса, имеющая смысл только при монополии.

Отметим здесь, что магистр фармации Э. Классон, конечно же, был знаком с профессором кафедры физиологической анатомии и микроскопии Киевского университета Александром Петровичем Вальтером, заодно издававшим «Современную Медицину». Оказывается, что последний тоже заканчивал Дерптский университет, но четырнадцатью годами ранее – в 1841-м. А Николай Семенович Лесков с 1849 года жил в семье своего дяди, профессора того же университета Сергея Петровича Алферьева, в дом которого был вхож и А.П. Вальтер. Н.С. Лесков посещал лекции на различных факультетах, а А.П. Вальтер уговорил его опубликоваться в «Современной Медицине». Вот как тесно переплетались упомянутые персонажи.

Обращение автора непосредственно к публикации Э. Классона в «Современной Медицине» позволило обнаружить еще несколько нетривиальных тезисов:

Вместе с таксою издана и часть русской фармакопеи, но она во всех отношениях недостаточна, и слабое состояние своего труда, должно быть, сознавали и сами авторы, потому что они ее издали только в виде прибавления к таксе, под заглавием «Наставление для приготовления лекарств вновь в таксу введенных, с описанием, где сие нужно, их физических качеств и действия на оные химических реагентов». Притом сказано, что остальные лечебные средства внесены в общую Российскую фармакопею.

Таким образом, настоящая Российская фармакопея состоит из этих двух частей: одной – изданной много лет назад, другой – изданной теперь. Что первая не соответствует современному состоянию науки, это само собою разумеется, что вторая часть еще менее удовлетворительная, этого нельзя было предполагать и потому на ее недостатки следует указать. <...> При выборе принятых вновь в фармакопею средств авторы, по-видимому, руководствовались менее успехами наук химии и фармакофизиологии, чем так называемой практической, т.е. эмпирической медициною. По авторитету Jonas'a, James'a и особенно Rademacher'a принято множество средств. Почти все эти средства очень сложны и состоят иногда из самых разнородных ингредиентов, имеющих совершенно различное физиологическое действие, и они составлены против правил химии. Словом, они по большей части сходны с так называемыми специфическими средствами профанов, и явно видно, что они составлены любителями одного эмпиризма.

К чему же это поведет, если из фармакопеи сделать выбор рецептов? Пора было бы перестать лечить по готовым рецептам, это удобно может быть только для людей, не знакомых с рецептурой и фармакологией; они до настоящего времени имели затруднение составить для каждого симптома лекарство в удобной форме.

Составители новой (части) фармакопеи помогли этому горю: pilulae soraivae, pilulae soraivae cum cubebis, pilulae ferri jodati, pilulae mercuriales Hoffmanni и несколько сортов pilul purgantes теперь должны быть готовы в аптеках для лиц, не знающих как составить эти пилюли.

<...> При наименовании лекарств вообще на свете служили основанием следующие обстоятельства: лекарства были названы, во 1-х, по их химическому составу; во 2-х, по их физическим качествам; в 3-х, по их физиологическому действию; в 4-х, по автору, их изобретшему; в 5-х, по случайным обстоятельствам; в 6-х, чтобы скрыть под невинным названием вредный состав средства; в 7-х, чтобы под громким названием привлечь покупателей из легко верующей массы. Все эти названия без всякой критики одобрены издателями новой фармакопеи.

Хотя и фармакопея не должна представлять одно только личное мнение автора и потому в ней неуместно придерживаться одной или другой номенклатуры исключительно, особенно если чрез то следовало заменить общеизвестные названия другими, менее удобными, но все-таки не следовало б и употреблять названий явно ложных или таких, которые легко могут дать повод к важным ошибкам.

*Так же заслуживает порицания то, что в этой фармакопее старые, вполне понятные и определенные названия заменены новыми, которые ни в каком отношении не лучше прежних. Некоторые же названия получили атрибуты явно ложные или, по крайней мере, лишние, так что, судя по ним, надобно полагать, что препараты имеют другой состав, чем это действительно есть. Так, например, вместо *Solutions natri nitrici* употреблено название *Liq. natri nitrici Rademacheri*; к чему служит здесь слово «*Rademacheri*»?*

*Название *Syr. cichorei c. rheo* для препарата, приготовленного из *Rad. taraxaci, rad. rhei*, воды и сахара, выражает явную ложь. И, наконец, названия *Empl. miraculosum Rademacheri, Elixir magnum stomachicum Stonghtonii, Pil. majors Hoffmani, pulv. antihecticoscrofulosus Goelisii* скорее можно было бы искать в афишах, чем в научной фармакопее.*

<...> После сказанного видно, что изданная фармакопея не совсем удовлетворяет современным потребностям, и я полагаю, что правительству неудобно издавать фармакопею, соответственную ее назначению, и мы не вправе этого от нее ожидать. Фармакопея есть труд совсем научный; фармакопея, собственно говоря, есть дело частное, дело аптекарей, врачей, медицинских обществ. Инициатива такого дела должна выходить от них; они могут стараться о создании хоть, например, всемирной фармакопеи, которую правительство может обратить потом в закон.

*В общем, киевский ученый лекарь не оставил камня на камне на противоречивом документе, вышедшем из недр Медицинского совета Министерства Внутренних дел. Он даже попенял авторам «Наставления для приготовления лекарств...» на то, что оно «*писано на латинском языке, заимствованном у какого-то неизвестного писателя*»! Правда, редакция «Современной Медицины» попыталась смикшировать уж совсем неблагоприятное впечатление, создававшееся после чтения этой статьи, и снабдила ее небольшим послесловием, где заодно лягнула известного в прежнее время врача Иоганна Готтфрида Радемахера (его имя было введено в упомянутую выше микстуру «*Liq. natri nitrici Rademacheri*», как считал Э. Классон, в рекламных целях):*

Мы не понимаем, почему такое предприятие не может быть начато и правительством; напротив, следует благодарить и за эту фармакопею, потому что не существовало никакой. Не ждате же, пока кому-нибудь вздумается написать новую фармакопею. Но мы, главным образом, не одобряем того, что сочинители таксы и фармакопеи скрыли свои фамилии. За научный труд следует сочинителю взять на себя научную ответственность и ни в каком случае весь медицинский совет Министерства Внутренних Дел не может быть, пред ученым светом, ответчиком за эту, как говорит госп. Классон, неудовлетворительную и несовременную фармакопею.

Грустно видеть, как успехи науки у нас поздно и мало влияют на жизнь. Мы все еще не можем расстаться с каким-нибудь жалким сумасбродом вроде Радемахера!

СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Выходит по Четвергамъ отъ
1—2 листовъ.

Цѣна за годъ:

безъ доставки . . . . 5 р. —
съ доставкою . . . . 5 * 50 к.
съ пересылкою . . . . 6 * 50 к.
За полгода: безъ доставки 3 * —
съ пересылкою . . . . 3 * 75 к.

Подписка принимается: 1) въ
Кіевѣ, въ Редакціи „Современной
медицины“ и у книгопродавца За-
вадскаго, на Крещатикѣ; 2) въ С.
П. Б., у книгопродавца Базупова,
на Невскомъ проспектѣ; 3) въ
Москвѣ, у Савишикова, на Страст-
номъ бульварѣ.

Содержаніе: О производствѣ судебно-химическихъ изслѣдованій. — Э. Классона — О свойствѣ анатомическихъ измѣненій при общей сифилитической болѣзни. Пр. Р. Вирхова. — Изъ клиники Пр. Опольцера. Ушныя болѣзни. — Изъ письма въ редакцію. Штейнберга. — Нѣсколько словъ о практическихъ замѣчаніяхъ изъ окулистки. К. — Програма Конкурса.

О производствѣ судебно-химическихъ изслѣдованій.

По послѣднему изданію Свода Законовъ, какъ и прежде, аптекари обязаны производить судебно-химическія изслѣдованія, въ присутствіи врача, назначеннаго для того Врачебною Управою. Въ то время, когда химія еще не стояла на той ступени развитія, чтобы по систематически произведенному анализу можно было съ точностью доказать присутствіе или отсутствіе какого бы то ни было химическаго соединенія, и когда при химическихъ изслѣдованіяхъ не употребляли другихъ способовъ, кромѣ производства ряда пробъ, могущихъ показать, находится ли или нѣтъ впередъ предполагаемое вещество въ изслѣдуемомъ предметѣ; тогда необходимо было поручать судебно-химическое изслѣдованіе двумъ лицамъ, которыя, пополняя знанія другъ друга, пришли бы къ возможности достигнуть результатовъ, недоступныхъ каждому изъ нихъ порознь.

Но при теперешнемъ состояніи наукъ, результатъ суд. химич. изслѣдованій не долженъ зависѣть отъ случайной удачи; или быть основаннымъ только на личномъ убѣжденіи, а получается и доказывается точными научными изслѣдованіями. Въ наше

Начало статьи Э. Классона в «Современной Медицине» №45 за 1860 г.

Оказывается, это была не первая публикация Э. Классона в «Современной Медицине», начавшей выходить годом ранее. В №45 за 1860 год этой газеты была опубликована его статья «О производстве судебно-химических исследований», где автор разбирает с практической точки зрения последствия того, что «по последнему изданію Свода Законов, как и прежде, аптекари обязаны производить судебно-химические исследования, в присутствии врача, назначенного для того Врачебною Управою».

И Э. Классон делает достаточно негативный вывод:

Для того чтобы судебно-химические исследования были производимы по правилам науки и законов, у нас сами исследования и относящийся к тому протокол подвергаются многократному контролю. Но как мало контроль этот соответствует потребности, это явствует из того, что часто протоколы, содержащие бессмысленную чепуху и погрешности против законов химии и логики, принимаются формальным порядком.

При самом исследовании должен присутствовать, Врачебною Управою назначенный, медицинский чиновник. Во всяком случае, этот чиновник или имеет надлежащие знания о деле или нет. Если он этих знаний не имеет, то и присутствие его совершенно излишне; если же он их имеет, тогда было бы лучше, чтобы он сам производил исследование, потому что химический анализ есть такого рода дело, где присмотром нельзя контролировать злонамеренного или обучать несведущего.

Но нас в этой публикации заинтересовали, прежде всего, ценные биографические штрихи из деятельности бывшего аптекарского помощника:

Большинство же фармацевтов имеет знания, соответствующие их воспитанию и занятиям, которые суть следующие: в частных аптеках ученики занимаются до 16-ти часов в сутки мелкою продажей, составлением лекарств по рецептам и приготовлением технических препаратов; химические же [препараты] в аптеках, с очень редкими исключениями, не готовятся, по недостатку лабораторий, аппаратов и знаний.

Об обучении учеников нет и речи; аптекари находят более выгодным, если ученики для них работают, чем если бы они занимались науками; и поэтому обыкновенно ученики получают до 20 руб. для того, чтобы они могли заплатить за свое приготовление к экзамену, что благодаря программе почти всегда в течение 6-ти недель удается. По истечении этих шестинедельных научных занятий помощник поступает снова на 3 года в аптеку, где он кроме прежних занятий еще имеет новое – писать сигнатурки.

К сюжету об обучении учеников Э. Классон делает такое примечание:

Насколько это мне известно, то только в Риге аптекари обучают своих учеников. По законам, Господа инспекторы при всякой ревизии должны удостоверяться о научном образовании учеников; но по недостатку знаний фармации это им [выполнить] невозможно, и потому они о том не упоминают.

То есть он, находясь в Киеве, следил за аптекарскими делами в другой провинции Российской империи, где раньше жил и работал, и не только в одной.

И далее:

Приготовленный таким образом он [(помощник аптекаря)] приступает к Университетскому, научному образованию: в течение 16 месяцев в Дерптском, или 9 месяцев в прочих русских Университетах (в Москве большинство фармацевтов, слушающих лекции, в течение этих 9-ти месяцев еще занимаются в аптеках, и лекции засчитываются, лишь бы за них было заплачено; к экзамену же можно подготовиться в более короткое время – по запискам и программам), он слушает лекции всех естественных наук вообще, а фармации, фармакогнозии и фармакологии – [обучается] специально.

Затем он сдает экзамен (только в Берлине при экзамене [на] Провизора требуется практическое производство судебно-химического анализа) и готовит (покупает) препараты. Каковы после этого знания большинства Провизоров (содержателей аптек), об этом нетрудно судить, а все они без исключения обязаны сделать судебно-химические исследования, хотя впрочем они сами их редко когда и делают, а поручают это помощнику или даже ученику, который с помощью руководства решает сомнения Врачебной Управы (я, быв учеником, два раза производил судебно-химический анализ).

Далее «Современная Медицина» публиковала и протоколы заседаний Общества Киевских врачей – «некоммерческой организации», функционировавшей с 1840 года и завоевавшей определенный авторитет в городе и губернии (с 1862 года она стала самостоятельно издавать свои протоколы). А Э. Классон, оказывается, был членом этого общества с 1861 года. И в публикациях сухих, казалось бы, протоколов обнаруживаются весьма замечательные черты поведения Эдуарда Эрнестовича.

Так, в мае 1861-го он прочитал в заседании Общества сухую, опять же на первый взгляд, статью о таком уже распространенном лекарстве как дигиталин, который приготавливался из наперсточной травы и использовался как регулятор частоты сокращений сердечной мышцы у человека:

<...> Переходя затем к самому предмету, автор приводит анализы наперсточной травы, сделанные Гомоллем, Вальцем и др., и находит, что не все химики один и тот же предмет называют дигиталином, и что продажный дигиталин есть механическая смесь [собственно] дигиталина, дигитазолина, дигитализетина, парадигеталина и дигитолякрина. <...> Затем г. Стадион благодарил госп. Классона за обращение внимания на предмет столь для него интересный и присовокупил, что достоинство результатов сообщенных в [его] диссертации «О действии дигиталина», нисколько не уменьшается статьею госп. Классона, но что для полноты исследования он (госп. Стадион) намеревается предпринять химический анализ оставшихся у него granules de digitaline, с которыми он экспериментировал.

То есть, по сути Э. Классон ненароком упрекнул своего коллегу в том, что он проводил опыты на живых организмах с лекарством непонятного состава, написал после этого диссертацию, с определенными научными выводами, и лишь теперь будет изучать это самое лекарство! В январе 1863-го Эдуард Эрнестович прочитал доклад «Случай выздоровления после отравления фосфором»:

Больная приняла несколько массы для зажигательных спичек и почувствовала боль в животе. Сейчас же подана была ей медицинская помощь, состоящая в назначении рвотного из Ipecac[uanha] [(рвотного корня)], а также Magn[esia] ustaе [(жженой магнезии)] и Calc[ium] hypochlorosae [(гипохлорит кальция?)]. Через 2 дня она уже была здорова.

Здесь стоит пояснить нынешнему читателю, что тогдашние «серные спички» содержали фосфор как составную часть для их зажигания, при трении о любую поверхность и многие чувствительные девушки использовали их, чтобы отравиться при безответной любви. А доктора вытаскивали с того света юных самоубийц; приведенный здесь эксцесс, как мы увидим дальше, был лишь счастливым исключением – «через 2 дня она уже была здорова». В апреле 1864-го Эдуард Эрнестович вновь будировал сию чувствительную тему, оттолкнувшись от такого сюжета:

Госп. Классон, по поводу возбужденного Миллиотом в заседании Общества 17-го декабря 1863 г. вопроса о частоте отравления в г. Киеве спичками [(5-ти случаев отравления девиц фосфором спичек вследствие несчастной любви)] и о изменении состава, употребляемого ныне для их заготовления, новым безвредным, сообщил, что проще всего было бы заменить фосфор спичек таким неядовитым веществом, которое при трении столь же легко горело как фосфор и которого бы цена не была дороже последнего. Во всех этих отношениях, по его мнению, предложение употреблять для этой цели красный фосфор совершенно неуместно, так как он не горит. Предложение это, впрочем, уже давно было предметом полемики в иностранных журналах, и об нем почти уже сказано последнее слово.

Далее оратор приводил конкретные составы зажигательной смеси для спичек (но без фосфора), которые были опубликованы «во многих технических немецких журналах».

В конце своего сообщения госп. Классон обратил еще внимание Общества на то, что в Киеве продаются [леденцовые] конфеты и игрушки, окрашенные ядовитыми красками, которых бы тоже не следовало упустить из виду. Госп. Неметти при этом заметил, что Бертолетовую соль не так легко употреблять в технических работах, ибо, как известно, при этом легко могут случиться опасные взрывы. Заметив еще, вместе с госп. Клионовским, что вообще трудно запретить продажу спичек и других вредоносных вещей, госп. Неметти присовокупил, что подобные запрещения принесли бы даже больше вреда, чем пользы; так, например, запрещение не продавать горько-миндальное масло неуместно потому, что не оно вредно, а те примеси, которые находятся в нем, а именно нитро-бензид.

На это госп. Классон возразил, что если действительно невозможно запретить вещей необходимых для ежедневного употребления, то все-таки можно запретить вредные к ним примеси: фосфора – к спичкам, мышьяка – к конфетам и нитро-бензида – к миндальному маслу, и что наблюдение за тем, чтобы не были деланы подобные злоупотребления, по закону составляет прямую обязанность Врачебной Управы.

К сожалению, как мы увидим, Врачебная управа Киева проигнорировала рекомендацию Э. Классона, внедрение которой могло бы спасти и жизни, и здоровье многих девиц, жаждавших свести счеты с жизнью от несчастной любви. Так, в мае 1873 г., т.е. через девять лет после описанных выше эксцессов на заседании Общества была подробно изложена история длительного лечения двух молодых женщин (обеим было по 19 лет – Марии Бельской, киевской дворянке, и Марии Янковской, жене чиновника из Воронежа), которые отравились в Киеве «серными спичками» с фосфором:

Оба эти случая имеют много сходного между собою и могут быть отнесены к обыкновенной форме фосфорного отравления. Хотя наблюдались нервные и геморрагические явления, но они были в слабой степени.

Различие в течении болезни [при назначенном лечении] следующее: в первом случае были запор, задержание мочи в течение трех суток [(удалялась катетером)], слабая иктерозная окраска кожи и боли в сочленениях; во втором же случае – понос, бред, коматозное состояние, icterus в сильной степени и кровотечение из матки. Как последствия местного действия фосфора в первом случае – [надолго приобретенные] кардиальгические боли, во втором – катар кишек и желудка.

24 февраля 1873 года «Киевский листок объявлений» сделал некое обобщение на это «модное увлечение»:

Летучие заметки

Случаи отравления фосфорными спичками стали у нас повторяться весьма часто. Это *getedium* [(способ, средство защиты)] вошло в употребление преимущественно у прекрасного пола, страдавшего любовной горячкой. Сказанный способ отравления имеет у них ту отрадную привилегию против других мер самоубийства, что умирающая оставляет себе полное наслаждение мести видеть эффект, произведенный мучениями смерти на виновника, подавшего повод к самоубийству.

Мы слушали еще о двух примерах отравления фосфором. Одна из обманутых девиц, узнавши, что предмет ее обожания располагает венчаться с другой, приняла фосфор за несколько часов до его брака. Когда тот не явился на ее призыв проститься с нею, она собрав последние силы явилась в церковь и стоявшему с другою под венцом, обманувшему ее жениху, дала пощечину, упала и умерла.

Другой пример – свежий. Девушка, некто NN [Мария Бельская, вышедшая из больницы 17 февраля?], почувствовав симптом любовной эпидемии и не сознавая в себе достаточно силы обольщения, чтобы им воспламенить своего сердцеда, приняла значительную дозу фосфора. К счастью, сильная комплекция организма и молодость спасли бедную.

Примерно тот же самый эксцесс произошел и через 2 года (в год смерти Э.Э. Классона):
Покушение на самоубийство

Проживающая в ученицах у модистки Гончаровой девица Мацевич развела 8 пачек фосфорных спичек в воде и выпила ее с желанием отравиться. Причина покушения на самоубийство заключалась, по словам виновной, в том, что хозяйка запретила ей прогулку за воротами около дома и грозила, в случае неповиновения, известить ее брата. Пострадавшей подана врачами Войно и Страшкевичем медицинская помощь; затем она отправлена в больницу для дальнейшего излечения.

«Киевский листок объявлений», 2 июля 1875 г.

То есть власти Киева (в первую очередь – Врачебная управа) не предприняли ровным счетом ничего, чтобы заставить фабрикантов и купцов отказаться от производства и торговли опасными спичками и перейти на безопасный товар.

То же самое, по-видимому, было и с «*леденцовыми*» конфетами и игрушками, окрашенными ядовитыми красками». Но Эдуард Эрнестович ответственности за это нести, конечно же, не мог. Трудно сейчас сказать, осознавал он или нет тщетность попыток своих коллег воздействовать на власти для создания более безопасной «санитарно-эпидемиологической обстановки» в Киеве. Тем не менее, Э. Классон почти регулярно ходил на заседания Общества врачей (и оплачивал ежегодный членский взнос в 5 руб. серебром) до самой своей смерти в 1875-м.

Вернемся несколько назад, чтобы обрисовать личную жизнь Э.Э. Классона.

Как свидетельствует запись в метрической книге киевской Евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины (находилась на Лютеранской ул., 22), в 1863 году Эдуард Классон женился на упомянутой выше девице Анне Вебер, дочери дрезденского фабриканта, работавшей до этого в России гувернанткой – она учила господских детей немецкому и французскому языкам:

№ 11. 18 июля 1863 года обвенчаны Эдуард Александр Юлиус Классон (Klassohn), коллежский ассессор, магистр фармации, сын Эрнста Классона, уроженец г. Сусея (Gross Sussey) в Курляндии, 32 лет, и Анна Эмилия Вебер, дочь директора фабрики Карла Вебера, уроженка г. Хемниц (Chemnitz) в Саксонии, 20 лет, оба лютеранского вероисповедания. (ф. 224 Центрального государственного исторического архива Украины)

Выходит, муж был старше жены на 12 лет. В то же время из отмеченного здесь возраста Эдуарда Эрнестовича – 32 лет – никак не получается, что он родился в 1829-м. Даже если в самом конце 1863 года ему исполнится 33 года, то отсюда получается год рождения – 1830-й. Разгадка может быть вполне простой: сия «чересполосица» происходила из-за различных календарей, применявшихся в Российской империи (вместе с Русской православной церковью она жила по юлианскому календарю) и в Лифляндии, Курляндии, Эстляндии (по-видимому, использовавших еще и григорианский календарь).

И в XIX веке между ними накопилась разница в 12 суток. Так что если Эдуард родился, скажем, 6 января 1830 года по новому стилю, то по старому это будет 25 декабря 1829-го.

*Юная Анна Вебер с матерью и, по-видимому, со старшим братом, Дрезден
(оригинал фото находится в семье Александровых)*

Здесь придется дать пространную цитату из Интернета, чтобы проиллюстрировать сей, формальный казус:

Политическая карта Прибалтики после окончания Ливонской войны стала не менее пестрой, чем она была до этих событий. Речь Посполитая захватила в свое владение северную часть Латвии (к северу от реки Даугавы) и Южную Эстонию, которая в период Ливонской войны была занята русскими войсками. Вся эта территория образовала особую провинцию под названием Задвинского герцогства.

В 1581 г. под власть Польши перешла и Рига. К югу от Даугавы образовалось зависимое от Речи Посполитой Курземское и Земгальское (Курляндское) герцогство, доставшееся в наследственное ленное владение последнему магистру Ливонского ордена Готарду Кетлеру. <...>

Задвинское герцогство, вначале находившееся в зависимости от короля Польши и великого князя литовского Сигизмунда II Августа, после Люблинской унии 1569 г. было включено в состав Речи Посполитой. Польское правительство рассматривало Задвинское герцогство, в первую очередь, как аванпост против Швеции и России. Поэтому оно урезывало здесь привилегии немецкого дворянства и в то же время щедро раздавало имения польским и литовским феодалам, расширяя также их права в местном управлении.

Со стороны немецкого дворянства последовали резкие оппозиционные выступления, которые особенно обострились в период польско-шведской войны начала XVII в. С целью искоренения лютеранства и восстановления католицизма [польское] правительство провело в Задвинском герцогстве в широких размерах контрреформацию.

<...> Особое положение в Задвинском герцогстве занимала Рига, по-прежнему остававшаяся наиболее крупным городом Прибалтики. Рига вела в основном посредническую торговлю, способствовавшую обмену между землями Даугавского бассейна и Западной Европой. В последней четверти XVI в. в Риге происходили крупные столкновения между городским патрициатом и бюргерской оппозицией, известные под названием «календарных беспорядков» (1584-1589 гг.). Поводом для них было введение польскими властями нового, григорианского календаря.

И еще, в продолжение темы «формального казуса» с Э.Э. Классоном:

Когда король [Польши Стефан Баторий] приказал ввести в Ливонии григорианский календарь, то в Дерпте, Пернове и особенно в Риге произошли крупные беспорядки (календарные беспорядки), потому что население не сочувствовало реакции.

Рижский городской совет согласился праздновать Рождество 1584 г. по новому стилю, но население ему воспротивилось и обвинило его, что он не заботится о действительных интересах города. При этом ставили ему в вину и передачу церкви св. Иакова католикам. Мартин Гизе, юрист по профессии и настоящий демагог, поддерживал недовольство и вызвал достаточно сильное волнение, чтобы оказать желаемое давление на совете, который высказался теперь против введения нового календаря. (Леонид Арбузов. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. 1912 г.)

О шведском происхождении Эдуарда Эрнестовича его жена Анна Карловна, урожденная Вебер, впервые рассказала своим внукам в 1915-м. Как вспоминал Иван Классон, еще проживая летом 1907-го в Ловисе (или Ловиизе) – части Финляндии, населенной преимущественно шведами, – они, дети, замечали там много Иохансонов и других людей с фамилиями, оканчивавшимися на «сон» (сын, по-шведски).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Естественно, что автор этих строк, услышав еще в детстве о шведском происхождении своих предков, на склоне лет подумывал о том, как бы хорошо «найти корни» в собственно Швеции. Однако для этого необходимо было потратить не одну тысячу долларов, чтобы приехать на родину предков и поработать не один месяц в местных архивах. Доллары тогда, в общем-то были, а вот достаточного времени на Швецию – не особенно. Поскольку приходилось «зарабатывать на пенсию» в России.

Но тут в 1999-м в Москву одновременно с Мариной Михайловной Гардениной из Брюсселя (наши родственники Гарденины будут описаны в очерке “«Классонята». Родственники Гарденины”) приехал ее кузен, Кристиан Сундгрэн (Christian Sundgren). Он работал в МИД Финляндии, т.е. в Хельсинки, заместителем директора департамента по международному сотрудничеству. Чтобы больше не возвращаться к родственным связям Гардениных и Сундгренов, отметим здесь, что отец Марины – Михаил Федорович еще в царской России женился на финской шведке Эмси Сундгрэн, у которой был брат Альберт – отец Кристиана. Г-н Сундгрэн тогда очень интересовался биографией Р.Э. Классона и его предками будучи сам шведом.

И мы вроде бы договорились, что он при возможности съездит на свою «историческую родину» и поработает там в архивах. Тем более, он сам собирался написать некую вещь о Р.Э. Классоне. При выводе первого варианта этих биографических очерков «на финишную прямую» я вспомнил о г-не Сундгрэне и в 2009-м, уже будучи на пенсии, отправил ему электронное письмо: мол, как поживает «Klasson story» и насколько успешно ему удалось поработать в шведских архивах?

Он мне довольно быстро ответил, хотя жил уже не в Хельсинки, а в Париже:

It is hard to believe that 10 years have gone since we met. Very good that you are almost finished with your Klasson work. I cannot say the same. A first manuscript is already there this some years but my editor wanted me to make some changes to the structure. And this work has not been done. Also I have to say that there is not much that I found in Swedish archives. The link – a concrete link between Robert's father and Sweden is still missing. But I [am] working on it. I am living in Paris since beginning of 2007 and have been busy with a lot of new job challenges.

В общем, за десять лет г-н Сундгрэн конечного продукта по Р.Э. Классону так и не создал, да и связей его предков, давно обосновавшихся в Прибалтике, со шведскими праотцами пока не установил, хотя и «работает над этим». А каково было бы выполнить эту сложную задачу автору, с его знанием английского лишь на уровне разговорного: «how do you do?», «how much?» и т.п.? Кстати, в начале 2011-го из постороннего, но родственного источника неожиданно выяснилось, что г-н Сундгрэн работает теперь не над «Klasson story», а пытается создать некое «художественное повествование с множеством связей между настоящим и прошлым, и, конечно, исходная идея теперь абсолютно иная – роль шведов в истории России». Как может понять читатель, последняя тема, пусть и весьма интересная, не имеет непосредственного отношения к нашим биографическим очеркам.

Кроме того, для установления каких-либо связей предков, давно обосновавшихся в Прибалтике, со шведскими праотцами необходимо было бы проторить «встречную тропинку» в архивах Литвы, Эстонии и Латвии. Чтобы, возможно, найти истоки: кто же из предков Р.Э. Классона приехал в Курляндию (или шире – в Прибалтийский край) из Швеции или же они «испокон веков» жили в этой самой Курляндии (Прибалтийском крае)? Однако Литва, Эстония и Латвия уже давно стали самостоятельными государствами, где русских не любят и «русский язык совсем не понимают». Опять многое упиралось не только в хорошее знание английского, но и уже литовского, эстонского и латышского...

И это отнюдь не пропагандистское «общее место», а вполне реальный барьер, воздвигнутый «прибалтийскими националистами». Например, в информационной системе Национальных архивов Эстонии (сайт www.ra.ee, AIS – *Arhiivi infosüsteem*) английская версия имеется только на самом верхнем уровне, а ниже она «плавно переходит» на родной, эстонский язык.

Так, при поиске по ключевому слову «Klassohn» и нажатии опции «OTSI» («Поиск») появляется строка со следующими атрибутами: «Pealkiri» – Klassohn, Eduard, «Leidandmed» – [EAA.402.2.12242](#) (это отмеченный уже выше источник про Эрнеста Классона как «человека вольного состояния»), «Piirdatumid» – 1850, «Liik» – Arhivaal и т.д.

Tartu Keiserlik Ülikool >
Isiklikud toimikud > Üliõpilased
> K > Klassohn, Eduard

Leidandmed	EAA.402.2.12242
Pealkiri	Klassohn, Eduard
Piirdateumid	1850
Liik	Arhivaal
Ainese keel	saksa, vene
Märkused	-
Lehti	-
Kirje sisestatud	30.06.2003
Asukoht	Rahvusarhiiv Tartus
Telli	

Примерно то же самое высвечивается при поиске по «Eduard Klasson»:

Tartu Keiserlik Ülikool >
Isiklikud toimikud >
Õppejõud, ülikooli
ametnik... > K > Klasson
Eduard Ernst

Leidandmed	EAA.402.3.78 3
Pealkiri	Klasson Eduard Ernst
Piirdateumid	1852-1855
Liik	Arhivaal
Ainese keel	saksa, vene
Märkused	-
Lehti	-
Kirje sisestatud	09.10.2003
Asukoht	Rahvusarhiiv Tartus
Telli	

И как я с этой «эстонской мовой» мог бы заказывать, например, копии документов? Так что большое спасибо г-ну Шумкову и его партнерам, например, Т.К. Шор из Тарту, за проделанную ими ранее работу для Всероссийского генеалогического дерева, в части Классонов-Мотовиловых!

В сентябре-октябре 2013-го автор сих строк сам вступил в переписку с Центральным государственным историческим архивом Украины и за небольшую сумму в 100 евро (эквивалент стольких-то гривен) стал счастливым обладателем сканов документов, имеющих в сем архиве по Э.Э. Классону и которые мы выше уже приводили. При этом ф. 733 почему-то был уже преобразован в ф. 707, но это такие мелочи!

Несколько позже автору пришла «гениальная мысль»: «шведские корни» не очень знатных Классонов были, возможно, настолько древними, что по ним могли и не сохраниться письменные свидетельства. Допустим, наши предки испокон веков жили в современной Прибалтике и к тому же давно утратили какие-либо связи со своими возможными родственниками в собственно Швеции. Кроме того, крупные державы, включая Россию, Швецию и Речь Посполитую, постоянно воевали между собой за прибалтийские земли, которые регулярно переходили из рук в руки. Это тоже не способствовало поддержанию потенциальных родственных связей...*

Для профессиональных исследователей человеческих связей между Швецией и нынешней Прибалтикой (включая предполагаемую миграцию Классонов из первой во вторую) все же остается возможность поработать с записями в церковных книгах обеих территорий и в уже упоминавшихся архивах. Мы за эту титаническую работу, конечно же, взяться уже не в состоянии. Вернемся в век девятнадцатый.

В 1868-м у Классонов родился сын, названный при крещении (в той же Евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины) по лютеранскому обычаю двойным именем – Роберт Артур (кроме того, у них появились на свет и две девицы, о которых речь впереди):

№ 22. Роберт Артур. Родился 31 января, крестили 9 апреля 1868 года в Киеве. Родители: коллежский асессор Эдуард Александр Классон (Klassohn) и законная жена его Анна Эмилия урожденная Вебер, оба лютеране. (ф. 224 Центрального государственного исторического архива Украины)

---

* В своем фундаментальном труде «Петр Великий» известный историк Н.И. Павленко отмечал:

Истоки территориальных претензий России к Швеции ведут к миру, заключенному в 1617 г. в Столбове, что близ Тихвина. Ослабленная борьбой с интервентами из Швеции и Речи Посполитой, а также Крестьянской войной начала XVII века, Россия была вынуждена подписать невыгодные для себя условия мира. Швеция возвращала ей Новгородскую область, но закрепляла важную для Русского государства территорию, простиравшуюся от Ладожского озера до Ивангорода. В итоге Россия лишилась Яма, Копорья, Орешка и Корелы. Главный ущерб от утраты этих земель состоял в том, что у России был отнят выход к Балтийскому морю и ее морские пути на Запад всецело зависели от шведов.

<...> Правительство России, чтобы воспрепятствовать осуществлению агрессивных планов шведов, заключило перемирие с Речью Посполитой и весной 1656 г. открыло военные действия против Швеции. В первые месяцы войны русской армии сопутствовали успешные операции: она овладела Ниеншанцем, Нотебургом, Динабургом и приступила к осаде Риги. Однако острый недостаток продовольствия и боеприпасов, а также невозможность блокировать крепость с моря, откуда гарнизон Риги получал подкрепления, вынудил русскую армию снять осаду. Военные действия в 1657-1658 гг. проходили с переменным успехом, и в 1658 г. было заключено 3-летнее перемирие, по которому за Россией остались земли, приобретенные в ходе войны. Между тем Речь Посполитая, оправившись после перемирия, возобновила войну против России, которой теперь предстояло воевать на два фронта. Пришлось пойти на мир со Швецией. По Кардисскому договору 1661 г., Россия возвратила Швеции все свои территориальные приобретения в Прибалтике. <...> На долю Лифляндии выпала заметная роль в Северном союзе и Северной войне. Подобно Шлезвиг-Гольштейну, являвшемуся яблоком раздора между Швецией и Данией, с Лифляндией связано острое соперничество, на этот раз между Речью Посполитой и той же Швецией. В середине XVI в. Лифляндия вошла в состав Великого княжества Литовского, а позже вместе с ним влилась в Речь Посполитую. Королевская привилегия Сигизмунда II Августа обеспечивала лифляндскому рыцарству свободу вероисповедания и все привилегии, которыми оно пользовалось в ордене меченосцев. Однако преемники Сигизмунда II Августа проводили политику ополячивания лифляндцев, сопровождающуюся гонениями на их веру, язык и национальные устои. В ответ лифляндское рыцарство обратилось к единой Швеции с просьбой принять его под свое покровительство – началась изнурительная война Речи Посполитой со Швецией.

Александровская ул. (справа – церковь Рождества, дореволюционное фото)

Здесь указана дата рождения по старому стилю, которого вынуждена была придерживаться лютеранская церковь, по новому стилю это было **12 февраля**.

Однако теперь (после 1 марта 1900 г.) отмечать круглые годовщины рождения Р.Э. Классона правильнее не 12-го, а **13 февраля!**

Из большого списка врачей, опубликованного в «Киевском телеграфе» 27-го и 30 августа 1871 года в связи с приходом в город холеры, следовало, что участковый врач д-р Классон проживал в это время на Александровской ул. (Подол) в доме Снежки (Снежко). Выходит, этот дом можно считать «классоновским местом»?! Родственники Александровы могут считать его и своим, «александровским местом», поскольку в нем уж точно появилась их прародительница Элла Эдуардовна (в 1871 году)!

Здесь мы уделим несколько места описанию бытовых условий, в которых обитали тогда киевляне.

6 марта 1870 года «Киевский телеграф» опубликовал заметку «Устройство газового освещения в Киеве»:

Государь Император [Александр II], по положению комитета гг. министров, в 13 день февраля, Высочайше соизволил утвердить предположение начальника края о предоставлении инженер-капитану Струве и К^о устройства газового освещения в г. Киеве. Главные условия газового освещения заключаются в том.

Г-ну Струве и К^о предоставляется на 50 лет право освещать текущим газом, посредством подземных труб, улицы и площади г. Киева с таким расчетом, чтобы в первые два года устроено было 500 фонарей и в последующие затем годы 500 других фонарей на следующих улицах и площадях.

<далее следовал список улиц и площадей, в которые попали в том числе места обитания Классонов: Александровская ул. на Подоле и площадь до контрактного дома – 50 фонарей, Бульварная ул. до казарм арестантских рот – 80 фонарей, Софийская ул. – 15 фонарей>

За каждый фонарный рожок, горящий ежегодно 1 800 часов, сжигающий под давлением водяного столба от 2 до 3 миллиметров [(0,0002-0,0003 атмосферы)] по 5 куб. футов в час и дающий пламя, равняющееся по измерению фотометра силе света 12 спермацетовых английских свечей, из коих каждая сжигает 120 гранов [(7,8 грамма)] в час, городская дума обязана уплачивать предпринимателям по 19 руб. в год. Эту плату предприниматели обязуются уменьшать чрез каждые 10 лет со дня открытия газового освещения на 1 руб.; так, после 10 лет плата за 1 800 часов горения каждого рожка будет 18 руб., чрез 20 лет – 17 руб.

Предприниматели обязываются отпускать газ в здания казенные и общественные и частным лицам – по взаимному соглашению, лишь бы цена газа за 1 000 куб. футов, при силе света как для уличного городского освещения, не превышала: а) для городских и казенных зданий по 3 руб., б) для частных лиц по 3 руб. 50 коп. за 1 000 английских куб. футов. Означенные цены гг. предприниматели обязываются уменьшать со временем, а именно: чрез каждые 10 лет понижать за 1 000 куб. футов на 15 коп. как для казенных зданий, так и для частных лиц.

Казенным или общественным учреждениям, а также частным лицам, которые пожелали бы сами добывать газ, предоставляется право не только освещать оным все принадлежащие им здания и дворы в черте собственности, где устроено будет самое производство газа, но и проводить оный для освещения других, им же принадлежащих, зданий и дворов, хотя бы и не смежных, не касаясь однако проложенных контрагентами городского освещения магистральных и соединительных газоносных труб.

Для устройства газового завода город дает Струве и К^о участок городской земли, в размере 2 десятин 2 360 кв. сажень в урочище Оболоньи Плоской части. По окончании 50 лет предприниматели обязаны газовый завод со всем газоустройством передать в собственность города, причем городу предоставляется право приобрести газовое устройство и ранее этого срока, не прежде однакож как по истечении первых 25 лет, с вознаграждением предпринимателей по оценке.

Итак, Эдуард Эрнестович проживет всю жизнь в Киеве при керосиновом освещении и не дождется, по-видимому, газовых рожков на улицах и в своем доме, а уж электрического освещения и электрического трамвая – и подавно, в отличие от Анны Карловны и их детей.

В начале 1870 года инженер-капитан Струве как раз закончил строительство моста через Днепр (его несколько позже назовут Дарницким), который вошел в состав Курско-Киевской железной дороги, а Компания Девриер соединила эту железную дорогу с Киево-Балтской ж.д. 30 марта 1870 г. «Киевский телеграф» перепечатал, кстати, из «Московских ведомостей» критическое письмо одного киевского купца, который жаловался на дороговизну и медлительность доставки грузов из Москвы и С.-Петербурга по сравнению с прежней гужевой. В этом письме упоминалось, что пассажиры едут из Москвы в Киев (с пересадкой в Курске) 2 дня, а из С.-Петербурга – 4 дня.

В том же «Киевском телеграфе» регулярно публиковалось расписание движения почтовых и пассажирских поездов из Киева в Курск и из Курска в Москву и обратно. По этому расписанию можно было подгадать так, что киевлянину удалось бы добраться до Первопрестольной чуть ли не за сутки. Но Классоны пока пребывали в Киеве безвыездно... Однако будущий муж Эллы Петр Александров приедет в Киев наверняка по железке, а не на перекладных лошадях.

Об инженере Аманде Егоровиче Струве, так много сделавшем для улучшения коммунального благосостояния Киева можно прочитать, например, по ссылке (interesniy-kiev.livejournal.com/267590.html).

20 июля 1870 г. «Киевский телеграф» напечатал следующую реплику:

В Киеве цены на квартиры поднялись почти до баснословной цифры. Хозяева домов, пользуясь неизвестно какими политико-экономическими условиями, надбавили цены на квартиры до 50 и 100%. За мало-мальски удобную и чистую квартиру, обходившуюся прежде в 300 или 400 руб. [в год], ныне запрашивают 700 и более рублей. Так что небогатому, но любящему чистоту и кой-какой комфорт, приходится отказать себе во многом другом необходимом, лишь бы загладить дефицит, налагаемый на их скромный бюджет жадностью домовладельцев.

К счастью, эта эксплуатация порождает конкуренцию – видя громадные выгоды, доставляемые ныне от наймов домов, многие начинают строить [свои] дома. В это лето начата постройка более сотни домов, в том числе есть десятка два и больших зданий. Киевские чиновники и другой люд, не обладающие недвижимостью, легко вздохнули, узнав о приостановлении приказа о возведении укреплений Киева. Сломка домов отпечатлелась бы, естественно, на их карманах.

Э.Р. Классона с домочадцами наверняка можно было бы отнести к категории людей «небогатых, но любящих чистоту и кой-какой комфорт». Поэтому и он тоже решил обзавестись недвижимостью, чтобы не переплачивать за постоянно дорожающую аренду квартиры в доме Снежко на Александровской улице. На Софийской (Софиевской) улице Эдуард Эрнестович купил городскую усадьбу под номером 12 и 15 апреля 1871 года обратился в Киевскую городскую управу с прошением о разрешении построить дом и флигель. (Государственный архив Киева, ф. 163, оп. 58, д. 22)

Ну а дальше проявились предпринимательские таланты Анны Карловны. В «Киевском листке объявлений» удалось обнаружить следующее рекламное объявление, которое было опубликовано 8-го и 15 апреля 1872 г. (выходит, дом был уже выстроен):

В греческом кафе-ресторане «Византия» на Софиевской улице, в доме Классона, можно получать обеды из 2-х блюд [по] 25 коп., из 3-х – [по] 35 коп., из 4-х – [по] 50 коп., а также всех сортов напитков по дешевой цене. Желающих продать лед просят обращаться сюда же. Также продаются губки [лиственничные для кухни, стирки и бани или же для приготовления лекарственного сырья?] пудами и мелочью.

Оказывается, Анна Карловна еще при жизни мужа устроила у себя в доме (или во флигеле?) кафе-ресторан. К сожалению, не сохранилось никаких свидетельств – ни письменных, ни устных о том, насколько успешно пошло это дело. Предположим, что не очень, поскольку таких «заманчивых объявлений» появлялось в те времена «стихийного предпринимательства» немало.

Реклама в «Киевском листке объявлений» от 8-го и 15 апреля 1872 г.

Например, в том же «Киевском листке объявлений» 16 февраля 1874 года была напечатана реклама прямого конкурента и соседа греческого кафе-ресторана «Византия»:

В новооткрытом кафе-ресторане «Валгалла» на Крещатицкой площади в доме Федорова можно иметь ежедневно завтраки с 11-ти до 2-х часов из 2-х блюд по 40 коп., также обеды с 4-х блюд [по] 60 коп. и 5-ти блюд [по] 75 коп. Пиво Киевского пивоварного завода прямо с бочонка по 10 коп. кружка. Вина собственного привоза и других знаменитых фирм; тут же 2 биллиарда – Петербургский и Венский, все по умеренным ценам. Содержатель – бывший кассир Гранд-Отель Бианки.

И, по-видимому, греческий кафе-ресторан «Византия» в 1874 году уже прогорел, поскольку 13-го, 16-го и 18-го марта того же года появилось такое рекламное объявление:

Нужна закройщица. Спросить на Софийской улице, в доме доктора Кляссона [(Классона)], в модном магазине Андрушкевичевой.

Это объявление было повторено 13-го, 17-го и 20 апреля 1874 года:

Нужна закройщица. Узнать по Софиевской улице д. доктора Классона у Андрушкевичевой.

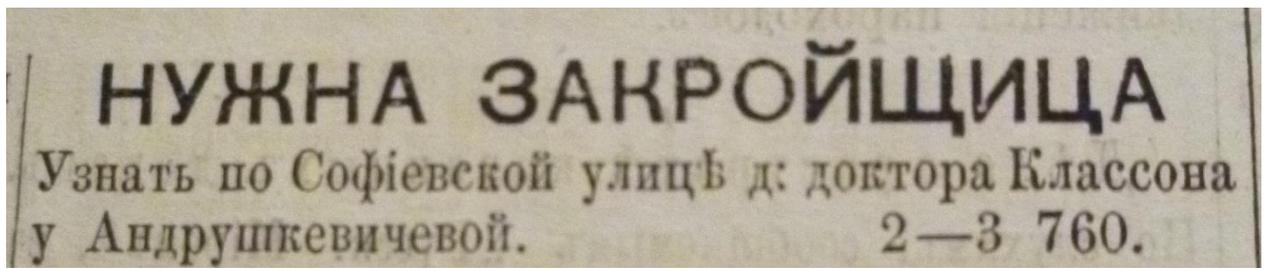
Еще более поразительная заметка была напечатана в «Киевском листке объявлений» 12 октября того же года, под рубрикой «Изо дня в день»:

Нам сообщили, что в субботу вечером с 5-го на 6 число в артели русских рабочих подрядчика Романова, работающего при доме доктора Классона, произошла страшная сумятица. Человек до 30-ти, составляющих артель, почувствовали после ужина шаль в голове [(взбалмошное состояние)], как будто бы после сильного опьянения. Между рабочими завязалась драка, буйство; некоторые кричали от боли в желудке и голове, другие приходили в неистовство, с признаками сумасшествия. Приведенный в ужас подрядчик дал знать полиции, после дознания которой и заключения призванных докторов оказалось, что явление это произошло от употребления рабочими в пищу семян дурмана, которых вздумалось подмешать в варево рабочим штукатуру Б.

Выходит, чета Классонов наняла солидную артель рабочих для ремонта своего совсем еще не старого дома? Или это уже вдова Анна Карловна затеяла его предпродажную подготовку, с переоборудованием в меблированные комнаты?

Реклама в «Киевском листке объявлений» 13-го, 16-го и 18 марта 1874 г.

Реклама в «Киевском листке объявлений» 13-го, 17-го и 20 апреля 1874 г.

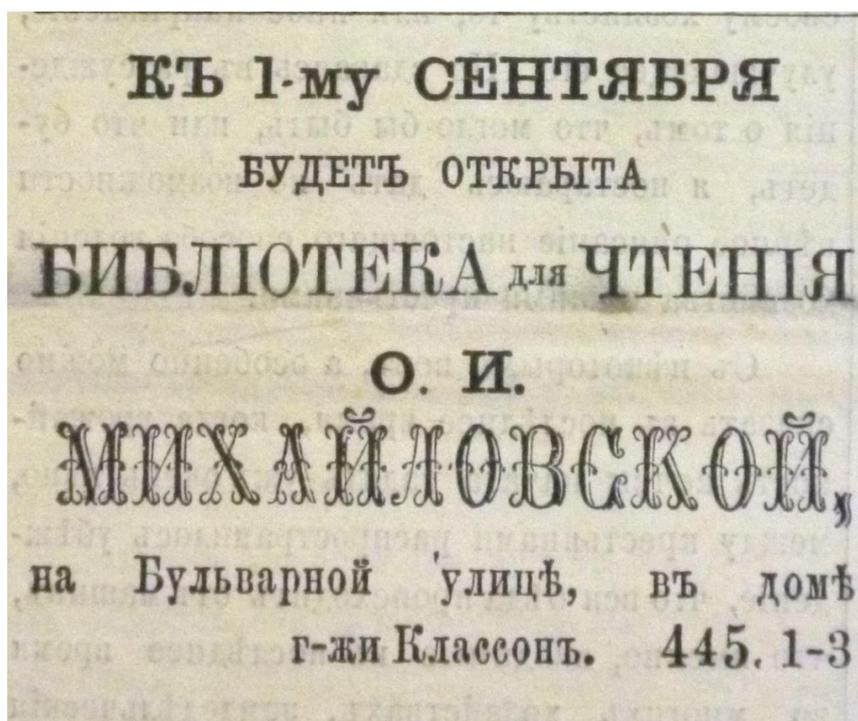

Софиевская улица в направлении к Софиевской площ. (дореволюционное фото)

Софиевская улица в направлении к Крещатицкой площ. (дореволюционное фото)

Через год А.К. Классон проживала уже совсем по другому адресу и предоставляла свою жилплощадь под иные цели, что следует из рекламного объявления, напечатанного в «Киевском телеграфе» 17 и 20 августа 1875 г.: «К 1-му сентября будет открыта библиотека для чтения О.И. Михайловской, на Бульварной улице в доме г-жи Классон». Однако к осени 1878 года библиотеки, похоже, по данному адресу уже не было (никаких следов в Интернете кстати по ней не имеется), и А.К. Классон станет сдавать комнаты жильцам, в частности семье Эбергов из Рыльска, см ниже...

Реклама в «Киевском телеграфе» 17-го и 20 августа 1875 г.

Вид с Крутого спуска на Бибиковский бульв., который назывался сначала Бульварной ул.

В то же время, как свидетельствуют документы Государственного архива Киева (ф. 100, оп. 1, д. 841), «до 1896 г. дом и усадьба [на Софийской ул., 12] были проданы наследниками Э. Классона [а может быть еще до 1875-го? см. выше объявление в «Киевском телеграфе» об устройстве библиотеки в доме г-жи Классон на Бульварной ул. – МК]». В общем, для более дотошных исследователей тут есть над чем потрудиться...

Еще о бытовых условиях, в которых обитали тогда киевляне. 12 июля 1871 года «Киевский телеграф» опубликовал заметку «О нашем водопроводе и кое-что об заезжих»:

У нас в городе началась укладка чугунных труб для водопроводов. Часть из них при легчайшей пробе (выбиралось 6 из 100) в 4 и 5 градусов [атмосфер?] (между тем как они должны быть испробованы при 9 градусах) не выдерживали и лопались, несмотря на то, что они отлиты в Англии. Другую часть [труб] распорядители работ нашли излишним подвергать пробе гидравлической машины, остальная доставлена в изломленном и полопавшем[ся] виде. Теперь можете судить о достоинстве труб и о будущности нашего водопровода.

Управляющий конторою, он же техник, г. Донато, чтобы не увеличивать потерь по случаю дурного качества труб, распорядился откалывать негодные части, и из остающихся кусков составляется труба, которая поспешно зарывается в землю. Разумеется, куски труб не могут быть хорошо пригнаны при укладке одна в другую, вследствие чего теряется немалое количество свинца для заливки [стыков] (пуд свинца стоит в Одессе 2 руб. 63 коп. и доставка в Киев – 36 коп.).

Из этого можем заключить, что наш водопровод не строится, а лепится. Мы знаем, что при заказе Киевским Военно-Инженерным Управлением чугунных труб для водопровода на Печерске они были испробованы при приеме особенной комиссией, что следовало сделать тоже нашей Градской Думе. Все трубы были приняты отличного качества, несмотря на то, что они выписывались из-за границы не в виде брака, а заказывались на наших заводах.

Нас удивляет, что в заключенном контракте с г-м Струве [не] говорится, что чугунные изделия должны быть заказаны преимущественно на русских заводах и только в случае их отказа или невозможности их исполнения они могут быть заказаны за границей и привезены в Россию беспошлинно. Между тем, у нас в Волынской губ. действуют 6 заводов да в Киевской губ. 4 завода, которые ежегодно могут выдвигать до 500 000 пудов. Между тем, ни один завод не получил предложения заказа как для водопровода г. Киева, так и для Киево-Балтской и Киево-Брестской железных дорог.

Вот вам доказательство, как мы заботимся о поддержке нашей отечественной железной промышленности в здешнем крае. Не смешно ли! [?] Пуд чугуна литья, привезенного из-за границы, обходится с доставкой в 1 руб. 28 коп. Теперь посчитайте отнятую пошлину у Правительства в 50 коп. серебр. с пуда, передачу денег наших за границу, которые могли остаться у нас, лишение заказов наших заводов, то поневоле вы удивитесь и зададите вопрос: отчего же это все так делается?

Весьма простая причина! Дело, которое попадает в России в руки иностранцев, всегда [является] их заботой поддерживать свое родное, имея ко всему нашему отвращению, кроме денег, которые они так легко наживают в России – за никуда негодные материалы и за такие же постройки. Это доказано не одним опытом. Вот почему нам следовало смотреть на них так, как они смотрят на нас. В конторах своих они всегда имеют своих землячков, назначая их бухгалтерами, кассирами, конторщиками и проч. с содержанием в несколько тысяч; а нашего брата принимают на должности сторожей, дворников или чернорабочих, между тем как нам бы следовало так поступать с ними. Вообще в иностранных конторах, которые производят русские работы для нас Русских, ничего не любят русского. Это факт, на который давно бы следовало обратить внимание кого следует.*

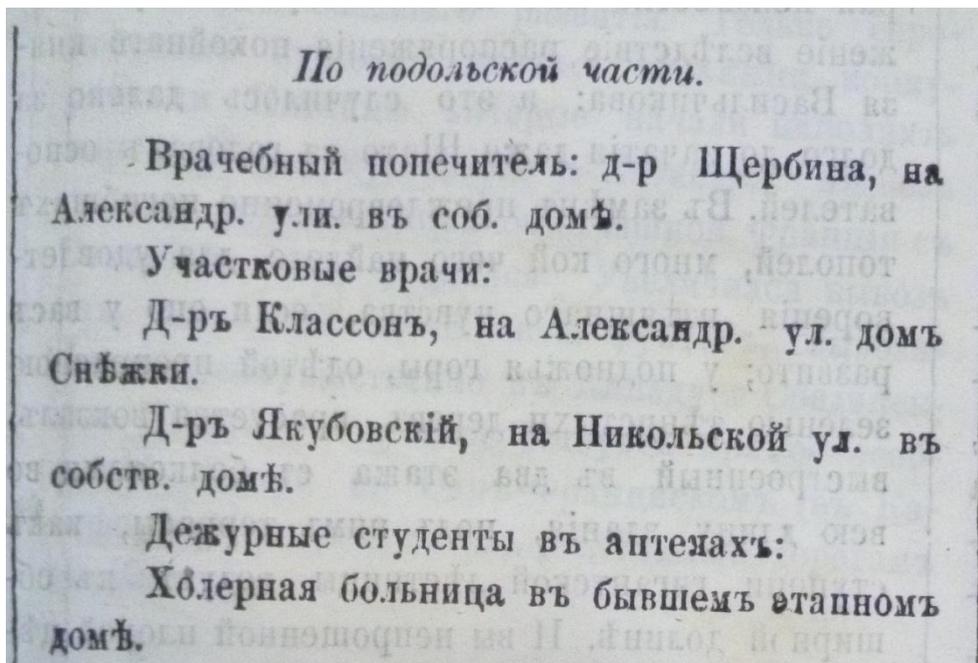
Не будем здесь пытаться понять причины такого избирательного подхода киевских властей к зарубежным и российским поставщикам чугунной продукции (получили взятку, откат от иностранцев?), а лишь зафиксируем факт – до 1872 г. в Киеве вообще не было водопровода! Что касается ретиранных мест, то они почти до конца XIX века просуществовали в самом примитивном виде, как и их очистка и вывозка нечистот (см. Приложение «Киевское общество врачей и Эдуард Классон»). Все это способствовало распространению эпидемий холеры и вело к немалому числу смертей.

Как раз в 1871 г. холера в очередной раз посетила богоспасаемый град. 10 сентября «Киевский телеграф» опубликовал «Ведомость о заболевших холерой в г. Киеве»:

	Заболело	Выздоровело	Умерло	Осталось
2-го сентября	51	33	20	270
3-го сентября	28	69	19	210
4-го сентября	18	34	7	187
5-го сентября	21	41	8	259
6-го сентября	18	42	14	121
Всего с появления болезни	136	219	68	1047

---

* Первого марта 1872 г. в дома зажиточных киевлян на Крещатике и близлежащих улиц пошла днепровская вода. Вначале она была мутной, но это заработал киевский водопровод. (interesniy-kiev.livejournal.com/267590.html)

Фрагмент объявления в «Киевском телеграфе» от 30 августа 1871 г.

1 октября «Киевский телеграф» обновил «Ведомость о заболевших холерой в г. Киеве»:

	Заболело	Выздоровело	Умерло	Осталось
16-го сентября	7	5	1	15
17-го сентября	1	-	2	50
18-го сентября	-	1	-	49
19-го сентября	1	1	-	49
20-го сентября	-	1	1	47
21-го сентября	3	1	2	47
22-го сентября	-	1	1	45
23-го сентября	-	13	-	32
Всего с появления болезни	3017	492	1493	32

По-видимому, основной пик был во 2-й декаде сентября 1871 года. Ну и 15 октября «Киевский телеграф» подвел скорбные итоги:

Ведомость о заболевших холерою в г. Киеве. С 4-го по 10 число [октября] заболело вновь 2, выздоровело 8, осталось больных 15. Всего с появления болезни заболело 3 026, выздоровело 1 514, умерло 1 498, состоит [на излечении] 16.

В связи с появлением холеры в Киеве местные газеты опубликовали обширный список врачей, к которым можно было обращаться в случае чего. Это сделал и «Киевский телеграф» 27-го и 30 августа 1871 года. В него попал и Э.Э. Классон, как участковый врач.

Соединение весьма неполного комплекта протоколов заседаний Общества Киевских врачей, имеющих в РГБ (Москва), с более полным таковым же, хранящимся в Национальной библиотеке Украины (Киев), позволяет выдвинуть весьма смелое предположение: счастливый Эдуард Эрнестович после рождения сына все свободное время посвятил хлопотам по профилактике и лечению детских болезней (если последние случались) наследника, а также все три месяца перед этим – мониторингу здоровья беременной Анны Карловны! Действительно, последний раз перед рождением Роберта 31 января 1868 года Э.Э. Классон появился на заседании Общества Киевских врачей 22 октября 1867 года, а затем посетил оное, весьма престижное для него мероприятие, лишь 14 апреля 1873 года, т.е. через пять с половиной лет.

У Эдуарда Эрнестовича было больное сердце, и он умер в сорок шесть лет (в 1875 году), когда Роберту было всего семь. Последний рассказывал позже сыну Ивану, что почти не помнил своего отца. Еще от него остались две дочери: старшая Иоганна (1864-го) и младшая Элла-Мария (1871-го года рождения).

По семейным преданиям, после смерти мужа Анна Карловна сдавала «лишние» комнаты (и даже квартиры) жильцам. Один из них – Брандт, по тем же семейным преданиям, был учителем Киевской первой гимназии и снимал, похоже, целую квартиру для своей семьи. И это стало, по-видимому, единственной причиной, почему мать отдала Роберта именно в эту гимназию, где обучали двум «мертвым» языкам – древнегреческому и латинскому. Другой жилец, Петр Павлович Александров, будущий член Киевского окружного суда, женился в 1891 году на повзрослевшей Элле, которую знал, по-видимому, еще подростком. Все эти персонажи запечатлены на фото, катающимися на лодке по Днепру (уже после окончания Робертом гимназии).

Однако сейчас, после установления «классоновских мест» в Киеве, можно предположить, что единственной причиной отдать Роберта в I Киевскую гимназию, которая тогда располагалась на Бибиковском бульв., 14, стала ее близость к дому Анны Карловны, на том же Бибиковском бульв. (быв. Бульварной ул.)!

На фото (слева направо): Коля Брандт, Роберт Классон, Анна Карловна, Петр Александров, преподаватель гимназии (?) Брандт, Элла Классон, Киев, Днепр, на фоне Цепного моста, 1890-е.

Метрическая выпись.

Во метрической книге Старо-Киевской Сретенской церкви части 2^й о бракосочетавшихся за 1891 годъ подъ № 11^м находится следующая выписка:

Послана восемьдесят девятую первую года июня третьего сего числа: Выслушавший курсъ Юридический наукъ въ Университетѣ Св. Владимира Петра Павловича Александрова, православный, первымъ бракомъ 27 летъ. Невеста: Дочь умершаго врача Элла-Марія Эдуардовна Классонъ, лютеранскаго исповѣданія, первымъ бракомъ 20 летъ. Поручители по жениху: Студентъ Киевскаго университета Св. Владимира Николай Алексеевичъ Семитовичъ и Студентъ Университета Иванъ Николаевичъ Берхало. По невестѣ: Окончившій Юридическій факультетъ при Университетѣ Св. Владимира Викторъ Павловичъ Сувверейнъ и Студентъ Юридическаго факультета Вечеславъ Сидоровичъ Андрушко-Турчицкий. Таинство брака совершилъ Протоиерей Димитрій Степановъ съ ризничимъ - 1891 г. 3^е Мая. Старо-Киевской Сретенской церкви

Протоиерей Димитрій Степановъ

Свидетельство о венчании П.П. Александрова и Э.Э. Классон
в Старо-Киевской Сретенской церкви, 1891 г.

В семье Александровых сохранилась выпись из метрической книги Старо-Киевской Сретенской церкви от 3 июня 1891 года с деталями «таинства брака» жениха: «выслушавшего курс юридических наук в Университете Св. Владимира Петра Павловича Александрова, православного, первым браком, 27 лет», и невесты: «дочери умершего врача Эллы-Марии Эдуардовны Классон, лютеранского исповедания, первым браком, 20 лет». С обеих сторон присутствовало по два поручителя (свидетеля).

*Петр Александров, Киев, до 1891 г.
(оригинал фото – в альбоме С.И. Мотовиловой-Классон)*

*Фото Эллы Классон, лет 18-ти, Киев
(оригинал находится в семье Александровых)*

Элла Классон, до 1891 г., Киев (оригинал фото находится в семье Александровых и в альбоме С.И. Мотовиловой-Классон)

Роберт Классон, студент. На обороте фото надпись: «Тибэ от минэ» (по-видимому – сестре Элле, оригинал фото находится в семье Александровых)

Вернемся к красивому мифу о том, что г-н Брандт учительствовал в Киевской первой гимназии и поспособствовал поступлению туда своего малолетнего соседа (предварительно натаскав его?). Он был безжалостно разрушен, когда автор обратился к солидному труду «Столетие Киевской Первой Гимназии. Киев, 1911» (см. Приложение).

В этом трехтомном издании есть подробнейший и потому исчерпывающий раздел «Биографический словарь должностных лиц», служивших в сем учебном заведении с самого его основания (1809-1811 гг.). И г-на Брандта, ни как учителя, ни как классного наставника или же инспектора, в нем обнаружить не удалось. Он мог служить, например, в Киевской второй гимназии или же в прогимназии, в реальном училище и так далее. Так что обстоятельства зачисления Роберта именно в Первую гимназию так и остались покрыты мраком давно прошедших дней...^{*} Мы можем лишь предполагать, что Анна Карловна настаивала на классической гимназии с тем, чтобы сын, по ее окончании, мог бы поступить в университет, по примеру Эдуарда Эрнестовича. Действительно, Устав гимназий и прогимназий 1871 года имел следующие особенности:

Существенная отличительная его черта состоит в том, во-первых, что он дает еще более решительный перевес преподаванию древних языков в гимназиях, нежели Устав 1864 г., и в этом отношении стоит очень близко к Уставу 1828 г.; во-вторых, удержав деление средних учебных заведений на два разряда, провел между ними резкую грань, по одну сторону которой стоящие молодые люди получили доступ к высшему образованию (это – классические гимназии), а по другую – нет (реальные училища, или гимназии)] <...>. – Никифор Тумасов. История Киевской Второй гимназии // «Киевская Старина», февраль 1902 г.

---

^{*} Согласно адресно-справочной книге «Весь Киев-1911» в городе в это время проживали делопроизводитель коммерческого отделения Управления Юго-западных железных дорог Георгий Карлович (Бернгардович?) Брандт и владелец аптеки на Владимирской, 41 Олег Николаевич Брандт.

Был Брандт Роман Федорович (1853-1920), который в 1877-1886 гг. служил профессором русской словесности Нежинского историко-филологического института, а затем – профессором кафедры славянской филологии Московского университета (литературн. псевд. Орест Головнин). Но вроде бы он не был глупым (оценка Э.Э. Классон-Александровой), если стал профессором и опубликовал свыше сотни работ (в т.ч. в Киеве: «Историко-литературн. разбор поэмы И. Гундулича «Осман», 1879; «Об употреблении иностранных слов», 1883; сборник вольных переводов античных и западноевропейских поэтов «Переложения Ореста Головнина», 1886).

На нижеследующем фото изображен Р.Ф. Брандт, тоже с роскошной темной бородой, как и персонаж на лодке на фоне Цепного моста...

Проф. Р.Ф. Брандт

Возможно, что на Анну Карловну подействовал еще один, внушительный аргумент:

1-я Гимназия считалась лучшим учебным заведением. Сюда поступали дети людей богатых, аристократы; она в общественном мнении стояла много выше 2-й, губернской так называемой, Гимназии. – Воспоминания Н.Д. Богатинова // «Русский Архив», 1899, №№ 2-12

В то же время известно, что Роберт поступил в Киевскую Первую гимназию в 1876-м, когда ему было 8 лет. По формальным обстоятельствам, сначала он учился в подготовительном классе. Из так называемого «Толстовского устава» 1871 г., подкорректировавшего и дополнившего Устав гимназий и прогимназий от 19 ноября 1864 г.:

В подготовительный класс гимназии или прогимназии принимаются дети не моложе 8 и не старше 10 лет, знающие первоначальные молитвы и умеющие читать и писать по-русски и считать до 1 000, а также производить сложение и вычитание над этими числами. Примечание. Дети нехристианского исповедания не подвергаются испытанию из Закона Божия.

Для поступления в 1-й класс гимназии или прогимназии требуется: а) знание главных утренних и вечерних молитв и важнейших событий священной истории Ветхого и Нового завета; б) умение бегло и со смыслом читать по-русски напечатанное гражданским шрифтом и пересказывать по предложенным вопросам легкие прочитанные рассказы, а также писать по-русски под диктовку, без искажения слов, крупным и средним шрифтами, и читать по-церковнославянски; и в) знание первых четырех арифметических действий над целыми отвлеченными числами. При сем наблюдается, чтобы в 1-й класс поступали дети не моложе 10-ти лет.

Более подробно на дальнейшей учебе Роберта в гимназии мы остановимся в очерке «Охотничье ружье – за серебряную медаль».

Муж Эллы Эдуардовны Петр Павлович Александров, в качестве мирового судьи, служил в других городах, а его семья оставалась в это время в Киеве (при этом Элла Эдуардовна какое-то время снимала квартиру и жила отдельно от Анны Карловны) или в Тараще Киевского уезда. Это обстоятельство позволяет узнать из писем жены многие интересные подробности повседневной жизни Александровых, а также политической обстановки в России (сохранилась и ее переписка с женщинами из семьи Коробко).

Семья Александровых на какое-то время воссоединялась в Тараще и Луцке, в эти периоды переписки с мужем, понятное дело, не велось. В письмах к Петру Павловичу Элла Эдуардовна постоянно упоминала своего брата Роберта – где он, как он, что мы с благодарностью использовали.

В одном из писем мужу в Саратов (к сожалению, большинство из них без даты, но известно, что они написаны до 1897 года) Элла упоминала о семействе Брандтов:

Позавчера мы ездили в [село] Китаев [под Киевом] к Брандту; они очень широко живут, и Брандт стал очень важен, но глуп по-прежнему. Она такая же хорошенькая, как и была, а питомец ихний [(Коля?)] препротивный.

А в другом письме – о возможных интригах Анны Карловны:

Вчера я получила от Роберта письмо [из Петербурга]; он пишет, между прочим, что татап сильно озлоблена против меня. Она заявляет, что если я затею с ней процесс, то она выкинет какой-то фокус, благодаря которому мы все лишимся наследства. Это, конечно, «слова, слова» и кроме того этим я мало интересуюсь по... да, впрочем, и остальным тоже. <...> Про сестру [Иоганну] он пишет, что она хорошо устроилась [в Швейцарии]: у них [с мужем] своя вилла, свои виноградники и огороды. Они, действительно, скоро выбились на дорогу.

Оборот «татап» в письмах использовался редко, в основном упоминалась «мама», позволим предположить, что все же это одно и то же «действующее лицо» – Анна Карловна. Элла Эдуардовна как-то напомнила мужу: «Не забудь, что она 14 июня имянинница, т.е. вру – это ее рождение, и что ее следует поздравить».

Еще в одном письме упоминались непростые отношения в семье Классонов (после поездки Эллы Эдуардовны и дочери Валерии в имение Коробко – Подлипное, под Конотопом; по-видимому, перед этим две сестры Екатерина и Мария побывали в гостях у своего брата Якова Петровича – «друга на всю жизнь» Роберта Эдуардовича – в Петербурге, откуда и вынесли сию информацию):

Интереснее всего для меня было то, что сообщила мне Катюша о Роберте и его жене. Она говорит, что жена нервна до ненормальности, что она постоянно раздражается и кричит на Роберта – поэтому он никого не пускает к себе. Он к ней относится чрезвычайно осторожно, «боится ее», по выражению Катюши, а к ребенку [(Соничке)] относится очень ласково. На Марью Петровну [Коробко] он произвел очень хорошее впечатление.

К этим непростым отношениям мы еще не раз вернемся...

В том же письме, после поездки в имение Коробко в Подлипное, описывались милые подробности пребывания Эллы Эдуардовны у мамы в Киеве (сравнивая это описание с таковым же в письме Марии Петровне, см. ниже, можно подумать, что это две, совершенно разные Анны Карловны, но, скорее всего, речь идет о двух эпизодах пребывания в гостях у мамы – бесконфликтном и конфликтном):

Здесь [(в Киеве)] мне хорошо. Маме очень понравилась Валяша [(внучка Валерия)] и – взаимно; первые слова Вальки, когда она просыпается, это – «где бабоска?». Нельзя, однако, сказать, чтоб Валя себя хорошо вела тут; она постоянно упрямится и на все отвечает – «не хочу».

Может быть, это новая обстановка так действует. Здесь она играет с девочкой квартирантов, потом очень подружилась с кухаркой, так что ко мне пристаёт мало. Мама нас целый день кормила, мы целый день ничего не делаем и много спим.

Киевский мягкий воздух действует на меня живоительно; так что я не чувствую себя такой разбитой, как дома [(в Саратове)]. Я думаю, что я здесь поправлюсь. Все находят, что я выросла, но приходят в ужас от моей худобы. Мне приятно, что здесь все мной интересуются: сегодня даже Гипс приходил на меня посмотреть.

Мама очень хорошо относится; она просила написать тебе, что она просит тебя остаться у ней [на] все время твоего отпуска, а не одну неделю. <...> Когда я приехала, меня, прежде всего, поразило изящество маминых комнат, а потом – царствующие здесь простота и любезность в отношениях. Верхняя квартирантка – очень симпатичная дамочка, чувствует здесь себя как дома. В первый же день приезда я ей сказала, что мне нравятся фасоны платьев ее девочки, она сейчас же побежала к себе и принесла платьице, из которого ее девочка уже выросла – для выкройки.

Но мама нашла, что платье еще очень хорошо – купила к нему кружева, и квартирантка сидела у нас полдня и обшивала его кружевами [(тем самым удлинив рукава и низ платья)], а мы с мамой ничего не делали.

Другая дама[-квартирантка], в ответ на мое замечание, что мне не с кем оставить Вальку, если придется идти куда-нибудь вечером, заявила: «приводите ее к нам, она поиграет с детьми и заснет». И все это так просто делается, что и принимаешь совсем не как жертву.

<...> Киев производит на меня какое-то впечатление узкости; все как-то загромождено, и расстояния маленькие.

«Милые подробности» следуют и в другом письме, того же, бесконфликтного периода: Я читаю маме «Без догмата» Сенкевича, и ей очень нравится.

<...> Роберту я еще не писала – не могу собраться, вчера он снился мне в белом.

Знаешь что, милый, когда ты приедешь [в отпуск], не привози маме икры; это не имеет эффекта. Купи лучше у Норблина какую-нибудь вещь серебряную, т.е. она, кажется, никелевая, я не знаю. Какую-нибудь корзинку для хлеба или сахарницу или вазочку; мне кажется, рублей за 5 можно купить что-нибудь порядочное.

Она очень довольна осталась [подаренной мною] сарпинкой* и всем сообщает, что это первый подарок от детей. Впрочем, Робертова жена ей подарила великолепную брошку. Так сделай это, детка, я полагаюсь на твой вкус.

Младшей дочери Анны Карловны изредка и доставалось от мамы (из письма Марии Петровне Коробко, без даты, предположительно 1897 год, из детей упоминается только Валерия (Валька), которая родилась в 1892-м, Борис родится в 1898-м):

Дорогая моя Мария Петровна! Простите, что так долго Вам не писала. Когда ехала от Вас [(из имения Подлипное)] в Киев – по дороге простудилась и все время кисла в Киеве. Кроме того, я туда как в ад попала, после Подлипенского спокойствия.

Мама целый день ругает прислугу и меня тоже ругала за то, что я хочу школу открыть: упрекала меня в измене своему священному долгу, советовала мне Вальку лучше в приют отдать, чем оставлять ее погибать без призора, и вообще говорила такую невообразимую чепуху и с таким азартом, что спорить с нею не было никакой возможности.

1-го я выехала из Киева в Белую Церковь, где получила вещи и отвезла их на лошадях в Таращу. Ехать пришлось на лошадях 40 верст, ночью; было немножко страшновато, особенно я боялась, как бы Валька не замерзла. Одея она была тепло, но под конец так крепко заснула, что не было никакой возможности разобрать, спит ли она или померла. Вещи прибыли благополучно, пианино даже не расстроилось.

Живем мы в Тараще, а не в Ставицах, как предполагалось ранее. Тараща – уездный город, довольно паршивый, хуже Конотопа; но местности красивые, много зелени; сейчас же за городом лес. Летом тут будет очень хорошо. Квартира у нас очень хорошая: 5 больших комнат, но дорогая – 400 руб. в год. 1½ комнаты уходят под камеру [мирового судьи], а 3½ остаются в нашем распоряжении. У меня отдельная комната, моя давнишняя мечта. Но у нас адски пусто, и нечем ее наполнить; мебель зальную Петр Павлович купил гнуснейшую. Кухарку я наняла, кажется, приличную, но с мальчиком 8-ми лет. Валька с ним играет по вечерам; ей не так скучно. Может быть, оно и лучше будет. Кроме кухарки у нас рассильный, очень добродушный старец, отличающийся необычайным многословием. Я как-то еще не привыкла к тому, что у меня так много народу, и к тому, что прислуга наша – не то же самое, что мы, за обедом.

Возня все эти четыре дня была адская и только сегодня я могу успокоиться на лаврах. В воскресенье пойду знакомиться с публикой, сделаю визиты. Относительно моей школы еще ничего неизвестно, вот познакомясь с учителями, тогда видно будет. У нас есть надежда через год перебраться в Киев, тогда я там поступлю в комитет грамотности и буду заниматься [(преподавать)] в воскресной школе. Можете Вы себе представить, что в Киеве две воскресные школы не могут быть открыты, потому что не находится желающих заниматься даром.

---

* Сарпинка – легкая хлопчатобумажная ткань (холстик) полотняного переплетения, с полосатым или клетчатым рисунком. Изготавливается из тонкой (№№ 60-80, номер определяется как число метров пряжи в одном метре), заранее крашенной пряжи. Внешне похожа на ситец. Изготавливалась главным образом поволжскими немцами-колонистами.

*Фото Бори Александрова с няней, Тараща
(из альбома С.И. Мотовиловой-Классон)*

<...> [Вашу маму] Анну Яковлевну целую и благодарю за сообщение Роберту моего адреса. Поклон от П.П., я и Валька [(Валерия)] целуем Вас крепко. Пишите скорей.

Правда, планы Эллы Эдуардовны перебраться в Киев осуществились не так скоро (и то без мужа), а уж о преподавании в воскресной школе, после рождения еще двух детей, пришлось вообще забыть.

Из письма Марии Петровне Коробко за 12 сентября, опять-таки без обозначения года (в это время Александровы уже жили в уездном городе Тараща Киевской губернии):

Роберт приезжал ко мне на 4 дня, проездом из-за границы. Он на всех здесь произвел очень хорошее впечатление. Я страшно была ему рада, это вы можете себе представить. Я немножко стеснялась своей обстановки, думала, что т.к. он теперь избалован, то ему неудобно покажется у нас, но оказывается, что деньги нисколько его не испортили. Он был очень доволен, что попал в Малороссию и успел даже побывать на охоте с Положенцевым. Они друг другу очень понравились.

Вы спрашиваете, дорогая моя, почему я не могу устроить свою жизнь так, как бы мне хотелось или хоть брать от жизни то хорошее, что она дает. Право, не знаю, что Вам сказать на это, должно быть, просто характер такой – не приспособленный к жизни. Я во всем вижу мрачные стороны, постоянно вижу несоответствие действительной жизни с моим представлением об ней. Жизнь тяготит меня.

Вы сейчас начнете ругать меня, но это неосновательно; ведь я не складываю рук, я исполняю все свои долги, даже больше, чем от меня требуется, а что я при этом чувствую – это уж мое дело. В одном Вы меня не поняли – дети никогда не тяготят меня, а устаю я от них действительно, да и как не устать, ведь они целый день на мне как пришиты и все время со мной разговаривают. Это, конечно, не хорошо и для них, и для меня, и в этом опять-таки виноват мой самоедский характер. Ну, перейдем от этих грустных тем к более веселым.

Роберт приглашает нас приехать в начале октября к нему [в Баку], и знаете, мы покушаемся поехать. Если мы поедem, то морем. Вы, кажется, ездили морем и можете нам дать несколько практических советов. Помнится, Вы говорили о каких-то средствах против морской болезни. Поехать провожать Роберта мне не удалось потому, что не на кого было оставить детей.

По-видимому, в этом письме речь шла о 1902-м:

13 июля выехал через ст. Вержболово за границу, по данным Бакинського губернского жандармского управления, с намерением посетить Австрию, Францию и Германию, предполагая заехать и в С.-Петербург. 12 августа возвратился из-за границы через пограничный пункт Волочиск и направился в Киев и оттуда на постоянное место жительства в Баку (из донесений жандармов в Департамент полиции, о перемещениях поднадзорного Р.Э. Классона, от 9 и 13 июля и от 12 августа 1902 г., ф. 102 ГАРФ).

Возможно, что «визит в Малороссию», после заграничной командировки, состоялся в 1903-м, а в архиве Департамента полиции материалов о пересечении Робертом Эдуардовичем границы в этом году не сохранилось. Тем не менее, отсутствие на выложенных выше фото Толюна (даже грудного) делает более вероятной первую версию – встреча Роберта с родственниками (в Тараще, где при доме был сад?) случилась как раз в 1902-м, до рождения младшего сына-племянника. Хотя дядя Роберт стал крестным отцом последнего и, выходит, приезжал на крестины в 1903-м, но куда – в Киев или же в Луцк?

О «семейных радостях» в связи с наметившимся третьим ребенком, а заодно о несостоявшейся поездке в Баку, письмо Марии Петровне от 19 ноября (1902 г.):

Ждала я, ждала ответа от Вас, хотела уже второе письмо Вам писать и наконец дождалась и недоумеваю: неужели Вы не чувствуете, как мне плохо, что толкуете о какой-то семейной радости? Ну, посудите сами, куда мне с моими силами третий ребенок? Приходится все бросать: занятия с Валькой [(дочкой Валерией)] не нынче – завтра надо прекратить, Бобке [(сыну Борису)] я тоже не могу давать всего, что прежде давала, а потом они и вовсе будут в загоне.

Это очень плохо, потому что у Бобочки совершенно особая организация [психики], требующая массы забот и вниманья. Кто знает, что из него выйдет, если я не буду отдавать ему всю себя, как это было до сих пор, и как отразится на его характере появление конкурента: дело в том, что он страшно ревнив.

Физически я себя чувствую очень плохо: ни одна часть организма не исполняет своих функций. У меня постоянные обмороки, а ночью, когда просыпаюсь, я чувствую себя так, как будто меня придавил огромный камень, который не дает мне шевельнуться.

Вы скажете, что это временно, ну да, так или иначе, это кончится через два-три месяца, и я с остатками своих сил примусь за адскую возню и... есть еще одна сторона моей жизни, которая мне отвратительна и ненавистна, но это всегда так будет, потому что выхода нет и теперь мне же приходится за это отдуваться.

В Баку мы не попали, погода была ненадежная, и мы побоялись за детей. Кроме того, в Баку были детские поносы, так что даже у Роберта двое детей лежало.

<...> Почему Вы так категорически отказываетесь приехать к нам? Разве Вы не хотите крестить киндера? Отчего Вам не провести у нас хоть одно Рождество? Ведь в Петербург [(к брату Якову Петровичу?)] Вы теперь не поедете? В этот раз у меня будет хорошая акушерка: теща доктора Николаева. О себе я не беспокоюсь, но дети, конечно, будут предоставлены на волю судьбы, т.к. на наших «друзей» Пол[оженцевых] надежда плохая: они больше придерживаются теории – «что твое, то мое, а что мое, оно тоже мое»!

Следующее письмо Марии Петровне Коробко, от 7 июля (1903 г.) уточняет время разъезда семьи Александровых, а заодно и – год поездки Анны Карловны к Софье Ивановне на Рижское взморье:

Только что получила открытку от Леонида Николаевича [Яснопольского], в которой он спрашивает: где мы? Петр Павлович с 9 Июня в Луцке, а я с сынками осталась в Тараще. Валя с бабушкой на Балтийском море у Софьи Ивановны гостят. Раньше 1-го Августа я отсюда уехать не могу, потому что в Луцке квартира будет готова только 10-го. 10 дней я пробуду в Киеве, где надеюсь встретить Яснопольских.

<...> Теперь у меня больше свободного времени: дня три тому назад я решилась, наконец, взять Толику няньку и теперь блаженствую. Оному субъекту теперь 5 месяцев, веса – 22 фунта, роста – 1 аршин с лишком, представляет из себя клецку, кормится много, гениальности не проявляет. Умеет переворачиваться со спины на брюхо и обратно. Малыш очень веселый и тихий.

Очень много за все это время было неприятностей: маме делали операцию, кажется, у нее был рак в груди [(грудной железы?)], наверное не знаю. Роберт упал с лошади и целый день был без сознания. Бобочка болел, он очень худ.

<...> Роберт писал мне, что Яков Петрович женился на особе в новом стиле, с художественной закваской, и что она очень мила. Они три дня втроем ездили на велосипедах по Островам [в Петербурге], и он [(Роберт)] остался очень доволен. Надеюсь от Вас получить более подробные сведения.

Переживания по поводу «противного Луцка» и его обитателей и Классонов, в письме из этого местечка Марии Петровне Коробко за 6 октября (1903 года?):

Луцк первое впечатление производит прямо удручающее, но потом можно привыкнуть. Город расположен на полуострове, так что в нем только одна улица, очень длинная, и от нее к реке идут поперечные, но такие кривые и заостренные, что реки не видно, да она и маленькая. Все движение, таким образом, сосредотачивается на главной улице и оно такое большое, как в Киеве на Крещатике, только вместо экипажей едут всё возы, а вместо публики <зачеркнуто сильное выражение>.

Отвратительно! Народ здесь препротивный, <зачеркнуты сильные выражения>, так что иметь с ним дело совсем не так приятно как с Таращанскими. <...> Интеллигентной публики здесь много, визиты мы поделали и среди судейских, мне некоторые понравились, но совсем не имею возможности где-нибудь [регулярно] бывать. Днем нельзя оставить маленького [Толю] и постоянно то ему кашу вари, то корми, и Бобку тоже не с кем оставить, а вечером пока их уложишь, уже десятый час и поздно, да и устаешь.

<...> Роберт ездил в Москву, к семье, и вернулся назад в Баку. Я собираюсь написать ему и спросить его – что и почему.

Валя опять готовится во второй класс; надеюсь, что она на Рождество поступит. Она теперь очень приличная стала девочка, я ею очень довольна; зато Бобка – убийственный: не слушается, капризничает, и безобразничает. Приезжала мама на 1½ недели и тоже порядком капризничала.

Она привозила с собой бонну детям, но оказалось, что помощи от нее никакой не было, с детьми она обращаться совсем не умела, так что получились только шлепки, возня и гвалт. Увезла ее обратно. Больше у меня нет охоты брать бонну, помаюсь с ними уж сама как-нибудь.

Крестники и Валя и я с П.П. крепко Вас целуем.

Можете себе представить, что Толя узнал папу, когда мы [его] принесли: сейчас же обхватил его ручками за голову и давай ему грызть щеки. Такие знаки особого расположения он оказывал ему постоянно, как только его подносили к нему, с неделю, а теперь он ему уже надоел, больше не целует.

Переживания по поводу утомляющей Эллу Эдуардовну семьи с детьми, а заодно продолжение сюжета о непростых отношениях в семье Классонов, в письме Марии Петровне Коробко из Луцка за 4 ноября (точно 1903 год):

В Луцке нам по-прежнему не нравится, стремимся удрать, да не удастся это, нечего и говорить. Вы всё жалуетесь на одиночество, а я не представляю себе ничего лучше. Конечно, отними у меня теперь семью, я не переживу, но если бы она совсем не заводилась, было бы лучше. Дети, пока совсем маленькие как Толя, доставляют удовольствие; но зато как же утомляют! В возрасте Бобки они доставляют одно огорчение, а дальше – когда наступит половая зрелость?

Я не могу без ужаса думать об этом. А потом они уйдут и оставят тебя таким же одиноким как и раньше. А сколько возни, хлопот, страха, раздражения!

<...> Софья Ивановна чудит! Вы ведь знаете, что она осталась в Москве. Говорила она, что хочет совсем разойтись с Робертом и даже денег от него брать не хочет. Начала с того, что наняла квартиру в 2 000 руб. [арендной платы в год], обмоблировала ее роскошно, затратив тысячи; на дверях везде чудные портьеры, во многих комнатах большие мраморные умывальники, мебель вообще дорогая.

Наконец, пишет маме, что она беременна с сентября [1903-го Павликом] и что ей необходимо съездить в Баку к Роберту. Теперь мама [(Анна Карловна)] в Москве с детьми, а она – в Баку. Уезжая, она говорила няньке, что, вероятно, опять они все переедут в Баку. Как Вам все это нравится? Соня поступила в гимназию во 2-й класс.

У нас все благополучно, все здоровы, кроме меня, у меня часто болит сердце, а спина болит до такой степени, что ночью спать не могу. Это от усталости.

Сюжет о непростых отношениях в семье Классонов затем стал уже неким «общим местом», из письма М.П. Коробко за 7 июня необозначенного года (1904-го, из Луцка?):

Дорогая моя Мария Петровна! Простите, что долго не писала; приезжала мама, а при ней, Вы знаете, ничего [не относящегося к ней] нельзя делать. <...> Жилось нам в эту зиму, как Вы знаете, очень грустно, я вследствие этого сильно расхлябалась. Теперь началось лето, и мы все немного ожили, потому что при дому у нас хороший сад, в котором можно дышать. Но квартира убийственная, у меня уже начинается ревматизм, придется ее сменить и тогда у нас не будет сада, единственного нашего утешения. Впрочем, если я буду Вам все подробно расписывать, то мне придется написать 5 томов, так что Вы лучше поверьте мне на слово, что тут препаршиво.

Поэтому мы решили переехать на зиму в Киев, а Петра Павловича оставить здесь. А la Софья Ивановна. Так для всех будет лучше. Хуже всех придется П.П., но принимая во внимание, что все эти годы ему приходилось всегда лучше всех, то я думаю – это ему не повредит. Он очень настаивает на переезде и уверяет, что ему даже лучше: он тогда хоть Рождество и Пасху проведет в Киеве по-человечески.

Особенно хорошо было бы это для Вали [(дочери Валерии)], которая из здешней помойной ямы попала бы в хорошую гимназию. Она перешла в третий класс, с передержкой по русскому. В Киеве я бы ее отдала опять во второй, потому что она «хромала». Мы, собственно, думали, что она останется во втором. Знает она достаточно, и нельзя сказать, чтобы она была малоразвита, а идет все время на двойках, вероятно, просто по безалаберности. <...> Вообще она ужасна. Может быть, это пройдет с годами. Но пока она может человека [(т.е. меня)] довести до буйного помешательства.

Одна из редких встреч родственников в Малороссии (слева направо: П.П. Александров, Э.Э. Классон-Александрова, Валерия и Борис Александровы, А.К. и Р.Э. Классоны)

Те же – в тот же день на пленэре (в Тараще? плюс прислуга на заднем плане), ~1902 г.

Анна Карловна с внуками (Ваня, Соня, Таня и Валя-Валерия) в Карлсбаде, 1902 год

Те же плюс Софья Ивановна и домашняя учительница (Тимохович?), Карлсбад, 1902 год

Бобка [(сын Борис)] большой капризник, но это пройдет, а существо у него хорошее, и он был бы лучше, если бы Валя его не портила. Толюн [(сын Анатолий)] пока идеален. Спокойное, самодовлеющее существо. Никогда не делает ничего глупого. В настоящее время занимается охотой за цыпленком, бегаем за ним и кричим: «птица, птица».

Где теперь Яснопольские [(Леонид Николаевич с женой Екатериной Петровной Коробко)]?

Я давно не могу сказать Вам: не успела тогда [(в Киеве)] сходить к доктору. Не ругайтесь, на Рождество мы попадем в Киев, тогда схожу. Тогда же Вам и книжки пришлю. Чувствую я себя довольно скверно, но это может быть оттого, что я не гуляю: П.П. все время занят разбором дел, и не с кем Вальку оставить. Утешаю я себя тем, что хоть читаю теперь порядочно.

Так что, как видите, я до сих пор не могу сказать ничего определенного относительно Таращи и его обитателей и той роли, которая мне выпадет на деле, будем ждать. <...> Поклоны низжайшие Вам и [Вашей маме] Анне Яковлевне, все – от нас всех. Жду письма скоро, до 18 числа. 18-го еду в Киев.

19 ноября (1904 года*) Элла Эдуардовна сообщала из Киева в Луцк Волынской губернии, где остался муж Петр Павлович:

Сейчас пишу при самых неблагоприятных условиях, все киндеры на меня лезут. Работы много скопилось потому, что я на Робертовы финансы купила все необходимое для детей и теперь надо все это сшить. Я очень довольна, что Роберт прислал денег (200 руб.), а то я все боялась, что не хватит и сэкономила изо всех сил; кроме того, это мне все время гвоздило голову. Теперь я сто рублей положила в банк, чтобы пополнять ежемесячные дефициты, а сто оставила, чтобы дожить этот месяц и купить все необходимое.

Чтобы не оказаться пристрастной, я должна сознаться, что Р. не сам догадался, а мама ему написала от себя, чтобы он мне прислал денег. Он сделал это очень мило, прислал очень деликатное письмо. Теперь я могу даже купить себе краски – это будет рубль четыре стоить, но если бы ты знал, как мне нравится рисовать! Жаль только, что времени совсем нет: рисовать надо утром, а утром же надо и с Бобкой заниматься и гулять, и в кухню [ходить], и все [остальное].

Ты спрашиваешь, что я читаю – да ничего, досадно даже смотреть на книги, никак до них не доберешься. Я кончаю Вальку спрашивать уроки в десятом часу [вечера], ну, прочтешь газету и засыпаешь, приходится спать идти.

Чувствую я себя очень хорошо, смущает меня только Бобка, которому никак нельзя подобрать <нрзб.> и который страшно балбесничает. За [бонной] Лидией Евсевьевной тоже блох много, но я смотрю на это как на необходимое зло. Жаль только, что Толя ее не любит. Сегодня утром он проснулся и лежит в кроватке, только она вошла, он замахал лапками и кричит: «посла, посла! досдость [(гадость?)]!», такой паршивец. Он говорит, что его папа «улетала Луцк». Тебе будет очень интересно его увидеть, такой умник, прямо на удивление.

<...> Вчера, пока мама сидела у нас, у нее от всех кладовок [во дворе] поотбивали замки; хорошо, что там почти ничего не было, только кое-какие мелочи французенки, ты забрал. У нас тоже воровство порядочное, так что у нас тридцать пять запоров на парадном.

---

* Сей год подтверждается предыдущей открыткой, посланной мужу, с киевским почтовым штемпелем от 15/XI 1904: «Милый мой! Пишу тебе два слова, чтобы ты не смущался моим безденежьем, его больше не существует, я только что получила от Роберта финансов <...>».

Отмеченная в письме Эллы Эдуардовны Марии Петровне Коробко финансовая помощь брата, как, следует из других писем, не была единичной. Однако, буде он повнимательнее к сестре, мог бы и сам догадаться и запросить ее – не надо ли помочь материально. Из предыдущего письма мужу за 9 октября (1904 г.?):

Мама накупила детям платьев, так что эта сторона улажена. Но зимнее пальто Бобкино в очень печальном виде: материя вся разлазится, так что вата выпирает наружу, и у Толи еще нет шубы, а уже довольно прохладно, сегодня целый день было 3 градуса тепла. Финансов у меня 6 рублей (кроме, конечно, 40 [рублей] квартирных, которые отдам 15-го), но я возьму у мамы пока 10 руб., которые она дает для учительницы (ей платит 24-го), и таким образом надеюсь дотянуть. Присылать раньше не стоит, потому что тогда выйдешь из нормы, да и где бы ты взял?

Мама собирается написать Роберту, чтобы он мне прислал денег, я ей говорила, чтобы она этого не делала, но не знаю, послушается ли она. Конечно, это было бы очень хорошо, но только если б он сам догадался, просить я не хочу.

<...> У нас все обстоит благополучно. Валя скоро получит четвертные [отметки], я тебе их тут же пришлю. Бобка в общем ведет себя ничего и занимается, но иногда на него находят припадки балбесничества. Только растет. Он мне теперь говорит: «Слушай, мама» или «мама, ды сюда». Укладывается спать и поет: «Тише мыши, Толя [с]пит». Бобка тоже поет чижика под аккомпанемент рояля, с большим блеском.

Из письма без даты (но все та же папка «Луцк»):

Одна сотня [рублей] Робертова уже ушла, и я даже не успела себе башмаков купить (т.е. остальное я оставила пополнить этот месяц), но есть еще другая [сотня]. Не забудь мне привезти Робертову карточку и свою – другую, мне эта не нравится.

Из письма от 26 января 1905 года мы можем узнать, что «Роберт опять в Берлине, прислал оттуда две открытки». А в письме без даты были такие переживания: «Я теперь боюсь за Роберта, он писал мне, что задержался до сих пор в Петербурге и страшно мерзнет в осеннем пальто. Болван, не может купить себе лишней шубы».

Речь идет о поездке в правление «Электрической Силы» сразу после командировки в Берлин (это опять же январь).

Из письма мужу за 31 марта 1905 года:

Сегодня мама получила письмо из Москвы, пишет бывшая гувернантка Классонов [Тимохович], что у них Катя больна скарлатиной, поэтому ее выписали и она теперь с Ваней и Таней живет в гостинице, а Соня живет у учительницы. Маленький [Павлик] остался дома, потому что Софья Ивановна не может бросить его кормить [грудью]. Это еще почище нашей кори [(у детей)].

Без даты, конец зимы 1904/05 года («Очень хорошая погода сегодня [в Киеве], 1 градус тепла, <...> у нас блины [на Масленицу] были хорошие»):

От Роберта получила печатное письмо о Бакинских беспорядках [(6-9 февраля)]; возмутительные беспорядки были вызваны полицией. Письмо немецкое, если хочешь, пришлю (или тебе его перевести?!), когда покажу публике.

Р. посылал в «Русские Ведомости» протест от имени инженеров, но его не напечатали и на телеграммы его не отвечают. Я думаю, что они не пропущены [цензурой]. Беспокоюсь я не напрасно, потому что он, конечно, не сидел смирно, а в самый разгар битвы ездил к губернатору требовать, чтобы тот прекратил резню или дал ему с рабочими вооружение, чтобы образовать милицию. Кроме того, он спасал на свой пароход семью какого-то Гукасова. У нас [в Киеве] настроение тоже тревожное, все ждут бунтов, толкуют о Варфоломеевой ночи для интеллигенции.

Малыш мой! Милу тебе два
слова, писал ты не пишешь
моясь Вадимович, со Валент
и Александрович, а потом что
получила от Роберта Филипповича.
Три дня ждала Слесаря, но он
конечно пришел, когда я сидела
дома в театре, ит очень долго
догадался, а потом распрощав
ся о тебе и не удался. Дити
очень обрадовались конферансе и
фурриантами, благодарить тебя.
Вчера в театре было чудно-
серьезно. Этот день в воскресенье.
Если ты еще не пишешь
Розе: по возможности пишу тебе.
Иду отбита на мое место, ты
получил его? Мили поскорее.
Все дити тебе пишут. Я пишу
рисовать м. кр., не знаю, что на
того выведет. Очень интересно.
Все подробности напишу в воскресенье.

Открытка Э.Э. Александровой, посланная из Киева в Луцк 15 ноября 1904 г.

<...> Сегодня у Вали с Бобкой был турнир на полотенцах. Толя обыкновенно интересуется дракой, но сегодня он не здоров, поэтому сидит на «воздушном» [(высоком, «воздушном»)] стуле, машет лапками и кричит: «Ви нехолосие, ви делетесь, ухозайте к цолту, вам поставят гладусник». Сегодня у него нет жару.

«Какой-то Гукасов» был известным армянским нефтепромышленником и членом правления акционерного общества «Электрическая сила» (а пароходом Р.Э. Классон, точнее общество «Электрическая сила», так и не смог обзавестись – петербургское правление решило, что это будет накладно). Всё же «беспорядки» в Баку в феврале 1905-го были вызваны не столько полицией, сколько армяно-азербайджанскими бойнями и «революционным движением» (см. очерк «Особенности Бакинского колорита»).

Из письма за 12 октября 1905 г. (все та же пачка «Луцк»): «Роберт после Нового года переводится в Москву. Он остается в том же обществе [(1886 года)], будет строить вторую центральную электрическую станцию в Москве. Получать будет 12 000 и [служебную] квартиру. Жалуеться, что его прижали и что он обещал [еще поработать в Баку]. Он все время в Петербурге, в съезде нефтепромышленников, председателем технического общества».

В письме за 26 октября того же Элла Эдуардовна описывала мужу «разгул демократии» после Высочайше пожалованных гражданских свобод:

В день [после обнародования] манифеста [17 октября 1905 г.] я решила, что публика должна радоваться, и пошла с детьми посмотреть; по дороге встретили бабушку и пошли вместе. Стояли везде [государственные] флаги, но некоторые студенты их сбрасывали, что возбудило сильное негодование [двухлетнего] Толи. Вся встречная публика была украшена красными бантиками; это нам показалось странным, но все-таки пошли дальше. Возле театра уже ничего не было, и мы прошли на Фундуклеевскую, откуда смотрели, как по Крещатику двигалась громадная толпа с красными флагами. Хотели было пойти туда, но не решились и хорошо сделали, а [то] попали бы под пули. Потом начался погром, и тут уже мы три дня сидели безвылазно дома.

Я только выходила к воротам разговаривать с прохожими, причем вся местная братия – извожники, солдаты, рабочие в один голос говорили, что губернатор разрешил три дня бить жидов. Выстрелы кругом так и трещали. Звук был такой, как будто комья падают на мостовую, а вперемешку с выстрелами – стук падающей мебели из окон и крики «ура». Стреляли везде, совсем близко от нас на углу Рейтарской, на Стрелецкой и др.

Из газет ты знаешь подробности и, вероятно, слышал их от Смоличевой, я же расскажу тебе несколько фактов, переданных очевидцами. М-lle Оскерко бегала за громилами и уговаривала публику не расхищать вещей. Она говорила, что это были чудовища с налитыми кровью глазами, необыкновенно сильные. Этому можно поверить глядя на разрушения. Даже железные шторы [(жалюзи)] на окнах и дверях магазинов порваны и висят клочьями как бумага.

Она рассказывала мне, как солдаты сторонились и давали дорогу громилам, а когда она просила их вступитья, они ей отвечали, что не приказано, что это делается с разрешения... На глазах одного знакомого студент подошел к громилам и сказал, что будет стрелять, если они не перестанут разбивать чью-то квартиру, и выстрелил в воздух. Солдаты тут же прокололи его тремя штыками. Анна Гр. тоже видела, как какой-то господин требовал прекращения безобразия и был тут же убит выстрелом из револьвера.

Против мамы живет жид-мясоторговец, у него снимает комнату офицер, так он поставил трех солдат и сам выходил на крыльцо, когда приближались процессии или просто громилы, и махал им рукой, и хозяина не тронули. Отсюда ты можешь видеть, как мало нужно было, чтобы помешать всему этому ужасу. Но мешать никто не хотел: все делалось под охраной солдат и казаков, а иногда и с их помощью.

Дети в эти дни ужасно боялись. Тольке они так надоели, что он в субботу уже не выдержал, ушел в Валькину комнату и забаррикадировался там – привязал полотенцем дверь к кровати и никого не впускал туда. У меня ужасно расстроились нервы, и сейчас не могу писать, потому что дрожат руки. Дети ходят учиться, и я каждый день дрожу, пока они не вернуться.

В письме М.П. Коробко за 29 октября, из той же пачки «Коробко-Яснопольские», Элла Эдуардовна тревожилась за брата, а заодно описывала «предреволюционную обстановку» в Киеве (1905 год – вышел Высочайший манифест):

Дорогая моя Мария Петровна! Представляю себе, как Вам должно было быть ужасно не получать все это время газет и писем. В таком же положении был и Петр Павлович. Неизвестность хуже всего. Но и мы, хотя и получали газеты и там – все, что делается тут, чувствовали себя не более блистательно. С самой пятницы 15-го, кажется, числа, когда начались забастовки, и до сего дня мы чувствовали себя отвратительно.

В пятницу я поотправляла детей в гимназию, а сама с Толей собралась к Катерине Петровне [*Коробко-Яснопольской*]. Выхожу – навстречу мне валят гимназисты и гимназистки – спрашиваю, по какому случаю – говорят, распустили. Я сейчас же отправилась за Валькой и хорошо сделала, потому что она уже стояла на Больш. Владимирской улице в толпе и смотрела, как от Университета надвигается огромная толпа народа, останавливая и разбивая по пути конки. Забрали мы и Бобу из детского сада и ушли домой.

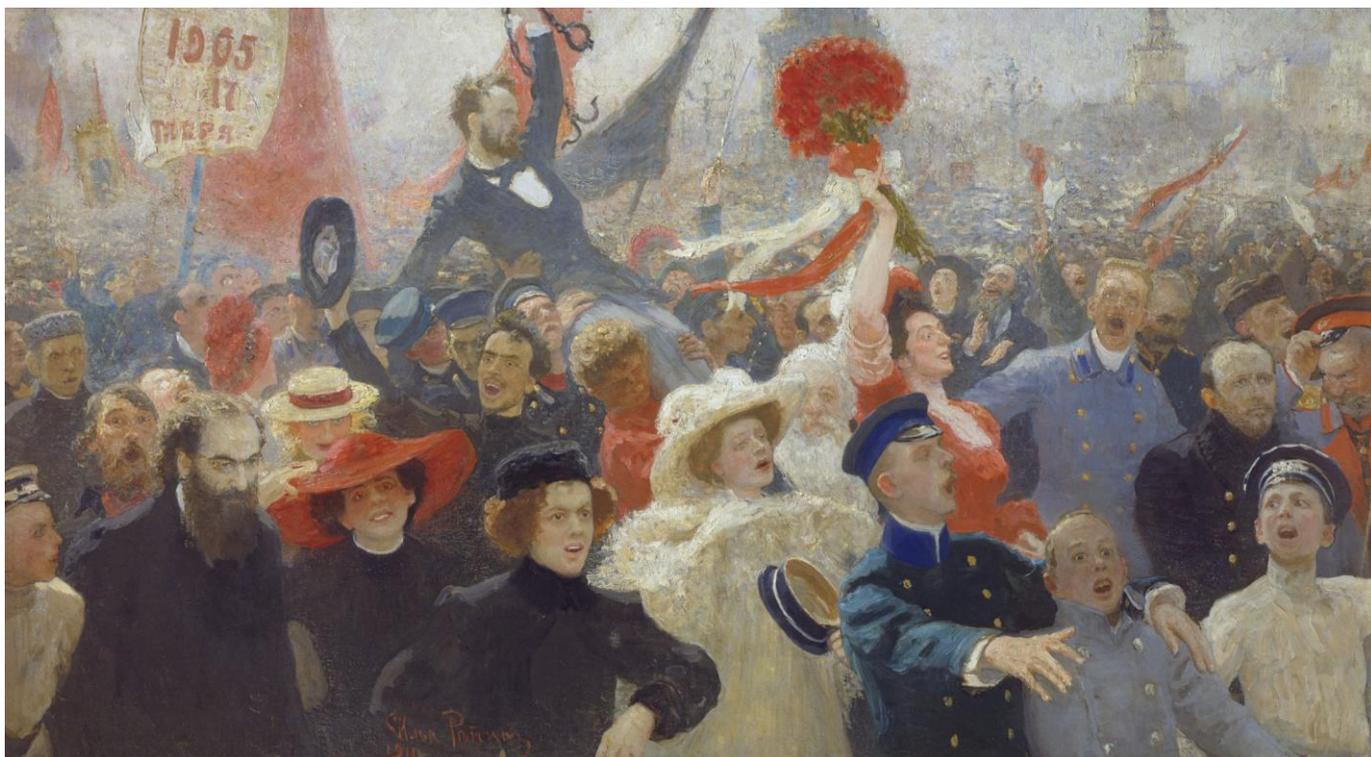
Остальные дни гуляли только по своим улицам. Наконец, вышел манифест. Тут я решила, что публика должна радоваться, и мы все пошли смотреть, как это будет. Развешаны были [*государственные*] флаги, но некоторые прохожие стаскивали их и бросали в грязь (чем вызвали сильное негодование Толи). Навстречу попадалась масса народа – все с красными бантиками. Дети возымели намерение тоже украситься таковыми, но я их остановила.

Ну, посмотрели мы издали на процессии с красными флагами и только успели убраться восвояси, как пошла пальба. А потом начался погром, при благосклонном участии войск и полиции. Это было ужасно, ужасно. Слышим выстрелы, слышим гром разрушения, и не только не можешь ничего сделать, но еще ждешь – не начнут ли тебя за компанию колотить.

Три дня мы сидели дома, в страхе; я выходила только к воротам – расспрашивать прохожих о том, что делается. Вы все события уже знаете из газет, так что я Вам рассказываю только, как на нас все это отражалось. Нельзя сказать, чтобы мы и теперь успокоились: на улицах как-то очень тревожно, настроение какое-то порохое. А тут еще газеты, которые несут один ужас за другим. Как начитаешься их, так везде мерещится кровь и смерть. Что дальше будет?

Личные дела тоже не важны. Надежды на перевод П.П. [*в Киев*] тоже не оправдались. Как у Вас дела? <...>

Роберт после Нового года переедет в Москву, если его до тех пор не убьют там [*в Баку*]]. С мамой вышла маленькая перепалка, во время которой я ей выложила, что знаю ее разговоры с Софьей Ивановной. Она страшно возмущалась и говорит, что та все выдумала, и что-то ей написала по этому поводу.

Илья Репин. Манифестация 17 [18-20?] октября 1905 г. в Петербурге. 1907 год

«Выдумки» жены Роберта Софьи Ивановны касались, скорее всего, измен мужа в Баку, узнав о которых, она рассталась с ним еще в 1904-м (см. очерк «Особенности Бакинского колорита»).

В письме от 2-го ноября мужу в Луцк описывалось уже «некоторое успокоение» в Киеве:

Вчера вечером пронесся слух, будто Витте убит. Я сегодня в 10 ч. [утра] побежала к маме узнать, правда ли, и в это время пришел некто и принес твою посылку. Вероятно, это был Слесаревский, и мне ужасно досадно, что я его не видела, я бы его расспросила о тебе. Посылку я всю перерыла и не нашла ни слова [от тебя]. Дети очень обрадовались конфетам, это им теперь в диковинку, т.к. я им никогда их не покупаю.

<...> Не могу сказать, чтобы у нас все уже было спокойно. На улицах как-то неприятно и тревожно; на каждом шагу попадаются субъекты с богомерзкими физиономиями – прежде их что-то незаметно было, все они о чем-то совещаются и наводят оторопь на прохожих. Но общественные дела начинают входить в колею, и для меня опять на первый план выдвигается вопрос о твоём переводе [в Киев].<...>

Из письма за 12 января (1906-го?):

Вчера почталион приносил посылку от Роберта, но меня не было, и он ее унес. Р. пишет, что не может выехать из Баку, т.к. его преемники разбежались, испугавшись рабочих. Он, между тем, ликвидировал дела и сидит теперь в гостинице. Ему рабочие поднесли великолепный портфель с золотыми подписями, а он им – волшебный фонарь для чтения. Я хочу ему нарисовать тоже такую штуку для газет как у тебя, только другой рисунок. Как ты думаешь? Или что-нибудь другое?

Элла Эдуардовна умерла довольно рано – в тридцать пять лет. Однако успела родить, как мы уже видели, троих детей: дочь Валерию (Вальку), сына Бориса (Бобку) и весьма перспективного наследника – упоминавшегося выше Анатолия (Толюна), будущего крупного советского ученого и президента Академии наук СССР.

Из письма Марии Петровне Коробко про роды последнего (от 7 марта 1903 г., пачка «Коробко-Яснопольские»):

Я уже давно встала [*после родов*], даже понемногу гуляю в саду, но еще далеко не поправилась, и вид у меня совсем неприличный для живого человека.

Роды были возмутительные: прежние продолжались 8 часов, но боль прерывалась, так что можно было отдохнуть и прийти в себя, а тут в 2 часа ночи началась сразу страшная боль и, ни на секунду не переставая и все усиливаясь, продолжалась до 5 часов, когда я уже прямо стала думать, что я в ад попала. Это было что-то нечеловеческое, у меня волосы на голове поднимались от ужаса. Противно даже говорить. Ребенок крупный, а за месяц очень вырос и поправился. Звать его, вероятно, будут Анатолием. Итак, на днях жду от Вас ответа [*о Вашем возможном приезде на крестины*], пока простите, что больше не пишу, очень еще слаба.

И про хороший аппетит, а также про блестящие перспективы наследника и неудовольствие мужа работой в Луцке (письмо от 5 февраля 1904 г.):

Толюшке через каждые три часа надо варить кашу да пичкать его, спасибо хоть – не отказывается, каждый раз по полной супной тарелке съедает. Я его бросила кормить [*грудью*] с неделю [*назад*], сам не пожелал, мало ему, должно быть, было.

Он пока доставляет нам много удовольствия, такой забавный. Ему теперь 11 месяцев, он ползает по комнате и когда находит, за что придержаться, встает на ноги; если держать за руки, ходит очень быстро, вероятно, к году будет самостоятельно ходить. Очень здоровый, толстый и солидный мальчишка, кажется, не глупый будет, но в другом роде, чем Бобка.

П.П. очень много занимается, по целым дням не встает [*от стола*] – пишет; но работа его не так удовлетворяет как прежняя. Мы все мечтаем выбраться отсюда [*из Луцка*], очень уж противный край. <...> П.П. настолько здесь не нравится, что он в минуты трудные готов даже перейти в Киев, в мировые судьбы. Но я этого шага не одобряю, главным образом, потому что деятельность мирового судьи в большом городе совсем не то, что сельская.

Старшая дочь Эдуарда Классона – Иоганна с 1880-х жила в Женеве, где она окончила медицинский факультет местного университета. Рукописные воспоминания Эмилии Альбертовны Коротневой (урожд. Эберг, 1861-1929), чья семья какое-то время снимала квартиру в доме Анны Карловны, проливают некоторый свет на причины скоропалительного отъезда Иоганны из Киева и, возможно, на обстоятельства ее студенческой жизни впроголодь:

Я должна была с осени [*1878 г.*] поступить в тот же пансион Криницкой в Киеве, состоявший как интернат при Фундуклеевской гимназии, в котором училась [*моя старшая сестра*] Юля. <...> Квартира у Классон [*на Бульварной ул.?*], действительно, за лето освободилась и нас ожидала. <...> Устроились мы быстро, все наше имущество уже год стояло в сарае у Анны Карловны. Кое-что и пропало. Но с этим уже приходилось мириться при наших постоянных переездах.

<...> Еще весной [*1879 г.*], когда было решено, что моя семья на эту зиму в Киев [*из Рильска*] не переедет, я подумывала на этот последний гимназический год поступить в пансион, чтобы не отвлекаться от занятий ничем посторонним. К тому же и в семье Анны Карловны начались недоразумения между нею и подростковой Иоганной.

<...> И я приехала прямо в пансион Криницкой. <...> Пансионская жизнь текла тихо и размеренно. По воскресеньям и праздникам я бывала у Анны Карловны, изредка с нею же бывала и в театре. (ф. 136 отдела рукописей РГБ, д. 7, ед. хранения 1-2)

Что касается пропажи самоваров и скатертей с салфетками семейства Эбергов из запертого сарая А.К. Классон, то грешили на местного дворника, но неблагоприятную историю эту, похоже, замяли, тем более что пропало далеко не все из имущества семейства, приехавшего из Рыльска.

А вот «недоразумения» между матерью и «подросшей Иоганной» привели, скорее всего, к тому, что непокорная дочь вскоре уехала в Женеву. По-видимому, она во время учебы материальной помощи от А.К. Классон не получала, в отличие от сына Роберта, когда тот подрос и поступил в С.-Петербургский технологический.

Муж Иоганны Эдуардовны, итальянец Гектор Кристиани, тоже учился в Женевском университете, стал профессором медицины и директором университетского института гигиены. Зинаида Николаевна Мотовилова-Некрасова вспоминала, что они очень нуждались во время студенчества и ходили на лекции поочередно, так как у них было лишь одно пальто на двоих.

Дочь Кристиани – Лили (по-взрослому – Лилиан?) в начале 1910-х, перед самой войной, гостила в Киеве у бабушки, где выучила только одно русское слово – «извощик» (чтобы нанимать конный экипаж при своих перемещениях по городу).

Судя по сохранившимся любительским фото (на которых, в том числе, запечатлены киевляне Анна Карловна, Валерия Петровна и ее брат Анатолий, лет десяти) она приехала вместе с родителями. Лили вышла затем замуж за швейцарца Артюса, сотрудника Бюро труда тогдашней Лиги наций. У них были две дочери – Попи и Жаки и сын Жан-Жак.

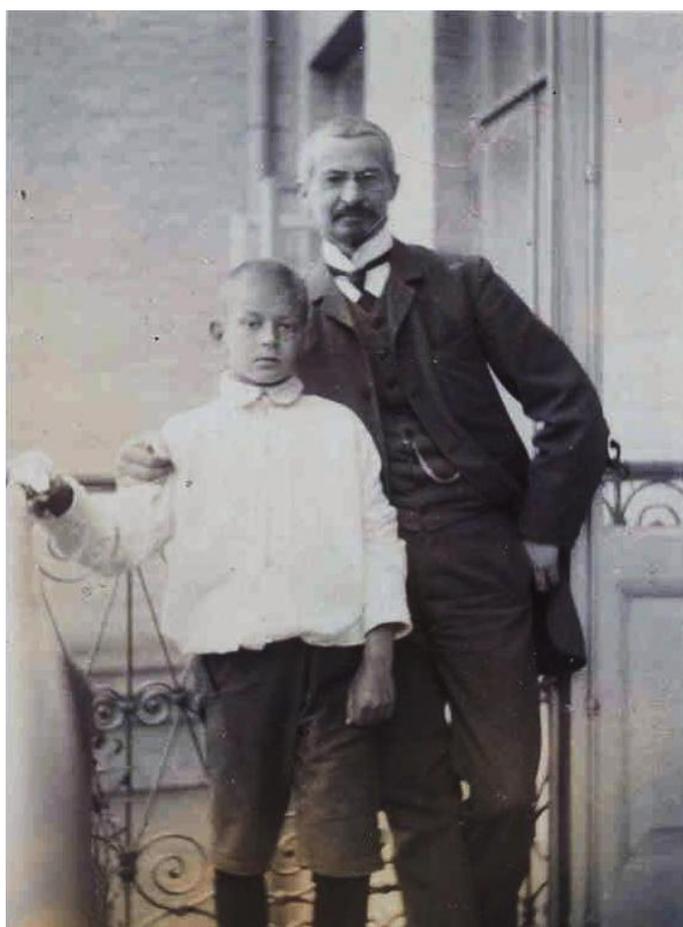
Как вспоминала своего рода семейный летописец С.Н. Мотовилова, ее матери Алине Антоновне после большевистского переворота удалось дважды побывать, в 1920-х, за «железным занавесом», чтобы встретиться со своей дочерью Верой в Лозанне. И в одну из ее побывок Кристиани (он, жена и, кажется, дочка) приезжали на своем автомобиле из Женевы, чтобы повидать родственницу.

Правда, как утверждала Софья Николаевна: *«Кристиани приезжали к маминей подруге-докторше [M-elle Broye], где и видели маму. Мне кажется, [моя сестра] Вера не захотела их принять из глупой гордости, слишком просто жила».*

Эта, киевская ветвь Мотовиловых позиционировалась следующим образом по отношению к Р.Э. и С.И. Классонам: мужем Алины Антоновны был Николай Иванович Мотовилов, брат Софьи Ивановны, у А.А. и Н.А. Мотовиловых выросли три дочери – Зинаида, Софья и Вера. Зинаида Николаевна вышла замуж за банковского деятеля Платона Федосеевича Некрасова, Софья Николаевна осталась «старой девой», а на Вере Николаевне женился российский левый эсер, эмигрировавший из России и ставший затем профессором геологии Лозаннского университета, Николай Алексеевич Ульянов. Обо всех них еще будет немало рассказано.

Анна Карловна, Иоганна Классон-Кристиани и ее дочь Лили, Киев

Гектор Кристиани с Толей Александровым, Киев

Толя Александров с сестрой Валерией и кузиной Лили, Киев

Единственное сохранившееся в России фото с сыном Лили Жан-Жаком (на фото также – Попи, Жаки и их гувернантка, фото И.Р. Классона?)

*Супруги Кристиани с внучками Попи и Жаки, Женева, 1920-е
(фото И.Р. Классона?)*

Овдовев госпожа Классон жила в Киеве не только на небольшие доходы от сдачи комнат в наем, но и на дивиденды от оставленных ей покойным мужем акций Общества сахарных заводов (косвенно можно вычислить, что их имелось на 3 тыс. руб.). Прибыли были настолько значительными, что в 1910-х старым акционерам выдавались, кроме дивидендов, дополнительно новые акции. Из письма Эллы Эдуардовны мужу в Луцк от 19 февраля 1905 года: «Бабушка получила хорошие проценты и купила всю летнюю обмундировку для детей и меня. Теперь надо еще купить Бобке пальто и шляпу и тогда все». И за февраль 1906-го: «Мама с сахарных акций получила в этом году 30% [(дивидендов за 1905-й)], т.е. 900 руб., и по этому случаю накупила мне сегодня у Ильяша [(в магазине тканей на Крещатике)] всяких детских причиндалов на 32 руб.»

Однако в 1890-х дивиденды бывали еще значительнее, о чем свидетельствует публикация в газете «Новое время» за 18 февраля 1894 г.:

Среди газет и журналов. По мнению весьма сведущего киевского корреспондента «Биржевых Ведомостей», общий синдикат сахарозаводчиков не состоится. <...> Тем не менее, сахарозаводчики не унывают, так как дела их идут прямо блистательно.

«Я помню, – рассказывает корреспондент, – в какое удивление пришла печать, когда опубликовано было, что сахарозаводческое товарищество братьев Терещенко получило за помянутую кампанию 38 проц. дивиденда. Однако же, теперь оказывается, что дивиденд этот вовсе не так уж велик, чтобы возбуждать удивление. В данный момент опубликованы несколько лучшие дивиденды.

Так, Строгановское товарищество получило 55½ проц. на складочный капитал, а товарищество «Городок» – 53½ процента. Два таких удачных года – и все предприятие окупится с барышом. <...>» К дивидендам сахарозаводчиков несколько подходят разве что дивиденды фабрикантов шерстяных изделий, например, товарищества Торнтон, помечавшиеся в отчетах сорока процентами. Вообще не могут жаловаться на плохие дела наши крупные фабриканты и заводчики.

Анна Карловна вскоре после смерти Эдуарда Эрнестовича вышла замуж во второй раз – за некоего Ахонина и взяла его фамилию (тем не менее, на сохранившихся фото «некий Ахонин» выглядит весьма благообразно, с окладистой седеющей бородой).

«Вторая молодость» Анны Карловны, Киев

Второй муж Анны Карловны, некий Ахонин, Киев

У Ивана Классона сложилось мнение, что в 1900-х этого Ахонина уже не было в живых (и таковой не числится в «пионерской» адресно-справочной книге «Весь Киев-1899», а домовладелицей «родового дома» по Софийской ул., №12 по-видимому давно уже была Прасковья Николаевна Павлова).

Тем не менее, согласно адресно-справочной книге «Весь Киев-1911», на Софийской ул., 25 (владение Екатерины Христиновны Вагнер) все же проживала «Ахонина Ан[на] Карп[овна]». Похоже, она давно «переехала по соседству» (причем через проживание какое-то время в собственном доме на Бульварной ул. и в д. 12 на Малой Владимирской в 1906-м) из д. 12 по Софийской ул., сменившего ряд владельцев и принадлежавшего в 1911 году присяжному поверенному Соломону Исааковичу Доброву. Будем кстати считать, что редакторы справочника ненароком «украинизировали» Анну Карловну! Правда, в издании «Весь Киев-1913» они «исправились» и вернули А.К. Ахониной истинное отчество.

Бабушка Анна Карловна периодически гостила у Классонов, отдохавших в Карлсбаде*, и даже пару раз приезжала на «Электропередачу» под Павловым-Посадам – в 1910-х. Когда она не появлялась у сына и внуков летом, Роберт навещал мать в Киеве, по дороге в свой отпуск за границу.

А.К. Классон умерла в январе 1918-го – в самом начале боев за Киев, во время перерастания войны с немцами в гражданскую.

---

* Карлсбад (соврем. название Пумпури) – курорт на Рижском взморье.

Какие это были лихие и кровавые времена, ярко описал Михаил Булгаков в «Белой гвардии», а также в автобиографическом фельетоне «Киев-город» (1923 год):

Весной зацветали белым цветом сады, одевался в зелень Царский сад, солнце ломилось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах! Зеленое море уступами сбегало к разноцветному ласковому Днепру. Черно-синие густые ночи над водой, электрический крест Св. Владимира, висящий в высоте...

Словом, город прекрасный, город счастливый. Мать городов русских.

Но это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей Родины жило беспечальное, юное поколение. Тогда-то в сердцах у этого поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег...

...И вышло совершенно наоборот. Легендарные времена оборвались, и внезапно, и грозно наступила история. Я совершенно точно могу указать момент ее появления: это было в 10 час. утра 2-го марта 1917 г., когда в Киев пришла телеграмма, подписанная двумя загадочными словами:

– Депутат Бубликов.

Ни один человек в Киеве, за это я ручаюсь, не знал, что должны были означать эти таинственные 15 букв, но знаю одно: ими история подала Киеву сигнал к началу. И началось и продолжалось в течение четырех лет. Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается.

<...> Пока что можно сказать одно: по счету киевлян у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил.

В Киеве не было только греков. Не попали они в Киев случайно, потому что умное начальство их спешно увело из Одессы. Последнее их слово было русское слово:

– Вата!

Я их искренно поздравляю, что они не пришли в Киев. Там бы их ожидала еще худшая вата. Нет никаких сомнений, что их выкинули бы вон. Достаточно припомнить: немцы, железные немцы в тазах на головах, явились в Киев с фельдмаршалом Эйхгорном и великолепными, туго завязанными обозными фурами. Уехали они без фельдмаршала и без фур, и даже без пулеметов. Все отняли у них разъяренные крестьяне. Рекорд побил знаменитый бухгалтер, впоследствии служащий союза городов Семен Васильич Петлюра. Четыре раза он являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли. Самыми последними, под занавес, приехали зачем-то польские паны (явление XIV-ое) с французскими дальнобойными пушками. Полтора месяца они гуляли по Киеву. Искушенные опытом киевляне, посмотрев на толстые пушки и малиновые выпушки, уверенно сказали:

– Большевики опять будут скоро.

И все сбылось как по писаному.

На переломе второго месяца среди совершенно безоблачного неба советская конница грубо и буденно заехала куда-то, куда не нужно, и паны в течение нескольких часов оставили заколдованный город.

Но тут следует сделать маленькую оговорку. Все, кто раньше делали визит в Киев, уходили из него по-хорошему, ограничиваясь относительно безвредной шестидюймовой стрельбой по Киеву со святошинских позиций. Наши же европеизированные кузены вздумали щегольнуть своими подрывными средствами и разбили три моста через Днепр, причем Цепной – вдребезги.

И по сей час из воды вместо великолепного сооружения – гордости Киева, торчат только серые унылые быки. А, поляки, поляки... Ай, яй, яй!.. Спасибо сердечное скажет вам русский народ. <...>^{*}

---

^{*} А вот что творилось в Киеве непосредственно в январе 1918-го (мы выбрали лишь несколько эпизодов):

Стрельба в городе. Стрельба, происходящая в Киеве ежесуточно по ночам и ставшая для обывателей довольно привычным явлением, в ночь под Новый год приняла ураганный характер. Стреляли буквально во всем городе, как на окраинах, так и в центре. Производилась главным образом стрельба там, где расположены воинские казармы. Стреляли главным образом залпами, что создавало непрерывный грохот. Особенно интенсивная стрельба велась в районе Софийского собора и в Лыбедском районе. Одновременно со стрельбой на улицах появлялись группы солдат, в большинстве случаев полупьяных и пьяных, производивших обыски прохожих и забиравших у них оружие и вообще все, что попадалось под руки. Все эти безобразия продолжались до 5 часов утра. С начала стрельбы улицы города сразу опустели. Во многих домах, где устраивались встречи Нового года, из опасения «обысков» и вообще бесчинств пьяных банд солдат, был потушен свет и веселье прекратилось. Немногие могли заснуть в новогоднюю ночь. На Новый год в течение всего дня и до поздней ночи на улицах ежеминутно встречались толпы пьяных, преимущественно солдат, оглашавших воздух дикими песнями и ругательствами. Мирные обыватели при встречах с ними робко жались к стенам домов или же пытались их обойти. Это не всегда удавалось, и в этот день было немало обруганных и оскорбленных, а подчас и побитых. Никто из скандалистов милицией не задержан. «Киевлянин», 3 января 1918 г.

Критическое положение электростанции. В виду того, что гор. электрическая станция продолжает переживать отопительный кризис, по распоряжению заведывающего станцией, члена управы А.И. Богомольного работа станции сегодня и завтра будет происходить с перерывом от 1 часа ночи до 8 часов утра. Во время перерыва отпуск энергии со станции будет совершенно прекращен. В данное время подвоза угля в Киев для нужд станции по-прежнему не происходит, и ей приходится питаться тем, что удастся добыть в Киеве. Нынешние старания гор. управления направлены на получение от местного сахарного завода 200 000 пуд. угля, а также имеющихся в Киеве древесных опилок (тырсы). Это и есть тот резерв, на который в настоящее время можно рассчитывать. Если удастся получить в полной мере и указанное количество угля, и древесные опилки, то с ночными перерывами станция сможет проработать приблизительно до 15 февраля. До истечения этого срока никаких расчетов на получение в Киеве минерального топлива нет.

В часы перерыва работы станции будет прекращена и работа водопровода, что в случае возникновения пожара грозит большими бедствиями. «Киевлянин», 5 января 1918 г.

В городе. Вчера с наступлением темноты по городу в разных частях начали раздаваться выстрелы. Были также слышны два пушечных выстрела. В городе в связи с происшедшими прошлой ночью событиями [(разоружением «красной гвардии»)] были наряжены конные патрули. Упорно держались слухи о том, что большевики не оставили своего намерения произвести аресты всех украинских властей. <...>

Стрельба в городе. 6 января, с утра, во многих районах города была открыта ружейная и револьверная стрельба, как одиночная, так и залпами. Стрельба была настолько интенсивна, что создавала впечатление настоящего боя. Среди населения города, оказавшегося во время стрельбы вне своих жилищ, началась паника, которая еще более усилилась после того, как послышались три орудийных выстрела. Кем были произведены эти выстрелы – не установлено. По городу ходили самые противоречивые слухи, но точно никто ничего не знал. Интенсивная стрельба продолжалась часов до двух дня. После этого по городу раздавались одиночные выстрелы. По данным гор. милиции, стрельба производилась «по обрядным соображениям», существовавшим в старину на Украине. <...>

«Киевлянин», 9 января 1918 г.

Красавец Цепной мост, взорванный поляками при отступлении из Киева в 1920-м

Гражданская война и утвердившаяся затем власть большевиков прошли тяжелым катком по киевским Александровым и Мотовиловым.

Приведем здесь фрагмент воспоминаний И.Р. Классона, которые он задумал как дополнение к книге М.О. Каменецкого «Р.Э. Классон», этот текст во многом перекликается с вышеприведенным, но кое в чем и дополняет его:

Мой дед и бабушка со стороны отца

Мой дед Эдуард Эрнестович Классон (1829-1875) – швед по происхождению, русский подданный – учился в Дерптском университете, защитил там диссертацию на степень магистра (тогда первая ученая степень) фармации в 1855 году*, переехал в Киев, где учился медицине, получил степень лекаря, остался при университете и занимался частной врачебной практикой. Он женился на Анне Карловне Вебер, старшей дочери дрезденского фабриканта, работавшей в России гувернанткой – учила детей немецкому и французскому языкам. Этим языкам она учила и своих трех детей: Иоганну, Роберта и Эллу.

---

* В Дерптском университете преподавание велось на немецком, диссертации писались по-латыни или по-немецки. Диссертация Э.Э. Классона – о серных соединениях сурьмы – на немецком. Гос. библиот. СССР им. Ленина, шифр Н 739/31. – Примеч. И.Р. Классона

Сейчас находится в Отделе газет РГБ в Химках – Примеч. М.И. Классона

У Эдуарда Эрнестовича было больное сердце, и он умер 46-ти лет, когда Роберту было 7 лет.* После смерти мужа Анна Карловна сдавала комнаты жильцам. Один из них служил учителем Первой киевской гимназии, и это было единственной причиной, что мать отдала Роберта в эту гимназию, которая была классической, т.е. с двумя древними языками – греческим и латинским.**

Другой жилец, Петр Павлович Александров женился на младшей дочери Анны Карловны Элле. У них родились дочь Валерия и сыновья Борис и Анатолий. Элла Эдуардовна умерла в 1907 году 37-ми лет.

Анна Карловна носила фамилию своего второго мужа – Ахонина. Когда бабушка в 1900-х годах приезжала к нам на Рижское взморье, Ахонина, по-видимому, уже не было в живых. Анна Карловна с детьми жила на оставленные ей Эдуардом Эрнестовичем накопления в форме акций Общества сахарных заводов. Прибыли были настолько значительными, что в 1910-х годах, кроме дивиденда на акции, старым акционерам выдавались дополнительные новые акции. Анна Карловна хорошо знала счет деньгам и приучала к этому и детей. Роберт и его младшая сестра должны были дома говорить только по-французски и получали за это по двугривенному в неделю.

Роберт Эдуардович взрослым свободно говорил и читал по-французски (например, Александра Дюма-отца, Мопассана, Бурже)***.

Мама обещала Роберту охотничье ружье, если он кончит гимназию с серебряной медалью, что и было выполнено [обеими «высокими сторонами»]. В годы учения Роберта в Петербургском технологическом институте он получал от матери 30 рублей в месяц, что тогда было вполне довольно для студента. Когда Роберт начал порядочно зарабатывать, мать предъявила ему счет на затраты на него за время учения, и он его оплатил.

Старшая сестра – Иоганна Эдуардовна (1864 – ? [не ранее середины 1930-х]) с 1880-х годов жила в Женеве, где окончила медицинский факультет. Ее муж, итальянец по происхождению, Гектор Кристиани тоже учился в Женевском университете, стал его профессором и директором его Института гигиены. Их дочь Лили вышла замуж за швейцарца Артюса, сотрудника Бюро труда Лиги наций. У них было две дочери и сын Жан-Жак.

---

* Роберт родился в Киеве 31 января ст. стиля (12 февраля нов. стиля). – Примеч. И.Р. Классона

С 1.3.1900 г. разница между нов. и ст. стилем стала составлять 13 дней, поэтому сейчас, как мы уже указывали, отмечать годовщину рождения Р.Э. Классона вроде бы более правильно 13 февраля по нов. стилю (см. напр. ricolor.org/history/kalend/5/)! – Примеч. М.И. Классона

** Если это знакомый А.К. Классон – Брандт, то сия легенда, как мы уже видели, не подтверждается: в списке учителей, надзирателей, классных наставников Первой киевской гимназии Брандт не числится (см. Приложение «Киевская Первая гимназия»).

*** Александр Дюма-отец и Мопассан известны и сейчас, а вот полузабытый ныне Бурже, оказывается, был тоже весьма популярен в свое время:

Бурже, Шарль Жозеф Поль (1852-1935), французский писатель. Впервые привлек к себе внимание «Очерками современной психологии» (1893) и «Новыми очерками современной психологии» (1895), в которых возлагал на Стендаля, Тэна и Ренана ответственность за моральное падение и пессимизм своего поколения. Впрочем, первые его романы, в том числе «Мучительная загадка» (1885) и «Андре Корнелис» (1887), написаны именно под влиянием Тэна. Бурже порвал с Тэном уже в романе «Ученик» (1889) – предостережении об опасности материалистических и детерминистских воззрений. Все последующие книги Бурже обличали те или иные социальные недуги: космополитизм в «Космополисе» (1893), перескакивание через несколько ступенек социальной лестницы в «Этапе» (1902), разрушение семьи в «Разводе» (1904). Бурже отстаивал католические взгляды на общество; его религиозные воззрения выразились в романах «Бес в ребро» (1914) и «Смысл смерти» (1915). – Из Интернета

Анна Карловна до конца жизни плохо знала русский язык. Она всегда говорила с нами, детьми, по-немецки, и я как-то не представлял себе, говорит ли она по-русски. Но уже в 1960-х годах бывший секретарь моего отца (мы встречались в архивной секции Совета старейших энергетиков Минэнерго СССР) Василий Александрович Бреннер рассказал мне, как он был поражен, когда в 1913 году зашел в Москве к приехавшему с «Электропередачи» вместе со своей матерью и заболевшему по дороге в автомобиле Роберту Эдуардовичу и не мог объясниться с Анной Карловной, т.к. она не понимала по-русски, а он, Бреннер, по-немецки. Я здесь должен пояснить, что в те предвоенные годы у Роберта Эдуардовича, кроме русского секретаря и русской стенографистки Зинаиды Васильевны Шеиной, был еще и немецкий секретарь-стенографист Зислак.

Я помню, бабушка со своей киевской внучкой Вале́й (Валерией) Александровой (ровесницей нашей сестры Сони) гостила у нас летом 1904 или 1905-го на даче в Карлсбаде на Рижском взморье. Соня навестила бабушку в Киеве в начале лета 1911 года.

Рассказывали, что к Анне Карловне в Киев приезжала из Женевы Лили – дочь Иоганны, и что Лили в Киеве научилась только одному русскому слову – «извозчик». Это могло быть тоже в начале 1910-х годов – до Первой мировой войны. Потом бабушка приезжала к нам на «Электропередачу» летом 1913 и 1915 годов. У меня сохранился фильм, снятый в саду Дома Правления оператором, приехавшим с Н.И. Зауэром для съемки электростанции и торфяных разработок, – проходят и проезжают бабушка, няня, учительница-француженка, кучер Влас, брат Павел на осле и я на лошади.

В 1913 году бабушка говорила с нами, детьми, по-немецки (ведь нас с 1904-го учила немецкому жившая у нас с перерывом до 1907 года фройлайн Пелло из Пернова, ныне Пярну, а в 1910-12 годах нам давали уроки немецкого немцы брата Вайкерт). Но в 1915-м – шла Первая мировая война – бабушка из патриотизма говорила по-французски не только с нашей учительницей-француженкой, но и с нами, детьми. В то лето бабушка впервые и вдруг сказала нам, что ее муж и наш дед Эдуард Эрнестович Классон был шведом! А ведь мы, еще живя летом 1907-го в Ловизе – в части Финляндии, населенной преимущественно шведами, – замечали там много Иохансонов и других фамилий с окончанием на «сон» (сын – по-шведски). В дерптской диссертации Э.Э. Классона его фамилия написана с немецким окончанием -sohn, а не шведским -son. Так что Э.Э. Классон был не обрусевший немец, а очень онемечившийся швед!

Когда бабушка не приезжала к нам летом, отец иногда навещал ее в Киеве, по дороге в свой отпуск за границу. Но, в общем, они не были близки, например, она совсем не представляла себе состояние его здоровья – десятилетиями длившуюся грудную жабу (ныне – стенокардия). Она ничего не знала о его личной жизни.

В 1913 или 1915 году, когда Анна Карловна по дороге на «Электропередачу» (или обратно) прожила несколько дней в Москве, у нее были в гостях ее знакомые киевские немки, и она предложила нашему отцу жениться на одной из них, крайне не интересной пожилой немке. Я думаю, что он не говорил своей матери о его давней и почти официальной связи с Евгенией Николаевной Виноградовой, урожденной Сомчевской (1875-1952).

Незнание Анной Карловной русского языка, ее слабый духовный контакт с сыном, а может быть и с дочерьми, наводят на мысль, что свои выдающиеся способности Роберт Эдуардович, его старшая дочь Софья и внук Анны Карловны Анатолий Петрович Александров – унаследовали главным образом от Э.Э. Классона.

И, напротив, очень слабые способности, хотя иногда и в сочетании с большой энергией и живостью характера, ряда внуков и правнуков Анны Карловны в нашей семье – может быть, наследственность от нее.*

Как важно при вступлении в брак обращать внимание на возможную наследственность!**

Дадим еще фрагмент из воспоминаний И.Р. Классона «Софья Ивановна Классон с детьми в Москве в 1903-09 годах»:

В 1907-м отец получил известие о смерти его младшей сестры Эллы, а потом нам прислали из Киева настенную нотницу, собственноручно художественно расписанную тетей Эллой по шелку. Она висела у нас рядом с пианино в гостиной.***

Возможно, что как раз об этой нотнице шла речь в письме Эллы Эдуардовны мужу Петру Павловичу в Луцк (от 15 февраля 1906 года):

Я рисую для Роберта очень красивую ветку кактуса с красным цветком, давно начала, но все это время не могла ничего делать. А про картину я тебе писала, что она готова и висит в рамке над пианино. Леонид [Николаевич Яснопольский] и в ней находил недостатки, но это глупости, картина очень хороша – все это находят.

---

* Здесь И.Р. Классон лишь намекает на кого-то из родственников, но, не желая обидеть их, не приводит конкретных Ф.И.О. Дочь Лили своей тетки Иоганны (внучку А.К. Вебер-Классон) Иван Робертович знал в основном понаслышке. Детей тети Эллы – лучше, но они выросли вполне достойными людьми, а Анатолий Петрович даже стал выдающимся ученым. Остаются брат Павел и сестры самого И.Р. Классона и их дети... Здесь мы можем указать определенно лишь на сыновей сестры Татьяны Робертовны – Даниила и Семена Свенчанских. В очерке «Классонята. Родственники Гарденины» приводится сюжет о том, что старший Даниил (правнук А.К. Вебер-Классон), вернувшись с войны, убил «по живости характера» младшего брата Семена – из-за продовольственных карточек? и отсидел 10 лет.

Была еще с «очень живым характером» Елена Александровна Игнатович, выпрашивавшая у родственников и даже у академика А.В. Винтера «матпомощь», но она приходилась внучкой А.И. Мотовиловой и М.Д. Гельшерту, поэтому не могла быть прямым потомком А.К. Вебер-Классон.

** Выводы моего отца по наследованию выдающихся достоинств от Эдуарда Эрнестовича и слабых способностей – от Анны Карловны достаточно спорны, поскольку на 70-80% талантливость физически и психически здорового человека зависит от качества его воспитания в семье и вырабатываемых затем им самим черт характера: целеустремленность, заряженность на карьеру, постоянные тренировки интеллекта и пополнение знаний и т.д. (и лишь на 20-30% от генов). Анна Карловна привила детям, по крайней мере, усидчивость в учебе, пусть и за счет применения «денежно-материального стимула». А Эдуард Эрнестович хотя и был весьма эрудированным фармацевтом, но не оставил заметного следа во врачебных науках (см. Приложение «Э.Э. Классон и Киевское Общество врачей»), тем не менее почтительная память о нем могла благотворно запечатлеться в душах детей. – Примеч. М.И. Классона

«Благодаря сознанию, человек кроме физических черт, записанных в его генетической программе, из поколения в поколение стал передавать опыт, который люди приобретали в труде, в общении друг с другом, в борьбе с силами природы, в своих размышлениях над тайнами мира. Эта передача опыта не записана в его генах, она осуществляется благодаря прямому общению поколений, через воспитание детей. Воспитание, наряду с генетической программой, тоже своя особая программа, это эстафета сознательной жизни людей всех поколений, но это тоже программа для развития личности. В результате социальное и генетическое наследование, сливаясь воедино, ведут развитие личности. Уникальность генетических программ и неповторимость трудноуловимых черт воспитания и самовоспитания создают такие условия, что каждый человек развивается в неповторимую личность».

– Академик-генетик Н.П. Дубинин. Вечное движение, 1973

*** Здесь нотница – красивый чехол для хранения нот. Скорее всего, Р.Э. Классон получил известие о смерти своей сестры в 1906-м, поскольку она скончалась 6 марта этого года (см., например, «Киевлянин» от 7 марта 1906 г.).

После смерти Эллы Эдуардовны Петр Павлович Александров жил вдовцом с тремя малолетними детьми на Мало-Владимирской ул., 21 (к 1911 г. переехал в д. 10) и в мае 1906 г., после долгожданного перевода из Луцка, стал служить членом Киевского окружного суда. Теща Анна Карловна в 1906-м жила по соседству на Мало-Владимирской ул., 12, а к 1911-му переехала на Софиевскую ул., 25.